

Инна Инфинити

ИЗМЕНУ НЕ ПРОЩАЮТ

Инна Инфинити

Измену не прощают

<https://litres.ru/74413604>

Аннотация

«Стас изменяет тебе. Не веришь? Приезжай сейчас в отель Санрайз, номер 316». Я читаю это сообщение, держа в руках положительный тест на беременность. Пока такси везет меня к отелю, убеждаю себя, что это злая шутка. Не может быть... Стас сделал мне предложение, мы живем вместе, у нас будет малыш. Но когда я захожу в номер, то вижу голую девушку верхом на моем женихе. ————— Мы встретимся спустя пять лет после расставания. В качестве босса и подчиненной. Между нами всегда будет стоять его измена. А еще - наша дочь, о которой он не знает.

История Стаса и Полины из книги «Я (не) буду твоей». Самостоятельная история, можно читать отдельно

Содержание

Глава 1. Не может быть	4
Глава 2. Забудь меня	11
Глава 3. Мама	15
Глава 4. Не то, что ты подумала	21
Глава 5. Я тебя нашел	24
Глава 6. Да или нет?	28
Глава 7. Пять лет	34
Глава 8. Ну здравствуй	45
Глава 9. Я изменился	52
Глава 10. Как глыба льда	57
Глава 11. Точки над «И»	66
Глава 12. Моя самая любимая	74
Глава 13. Цветы	85
Глава 14. Знакомство	91
Глава 15. Корпоратив	99
Глава 16. Дочь	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Глава 1. Не может быть

— Тест на беременность, пожалуйста.

Говорю это продавцу в аптеке и перевожу дыхание. Запы-
халась, пока бежала. Едва успела за пять минут до закрытия
аптеки. Долго сомневалась, идти за тестом или нет. Задерж-
ка не такая уж и большая. К тому же не хотела идти в аптеку
при Стасе, поэтому нужно было дожидаться, когда он отпра-
вится на мальчишник своего друга.

При мысли о том, что возлюбленный сейчас развлекается
в каком-то баре, чувствую укол в самое сердце. Я очень не
хочу быть одной из тех самых ревнивых истеричек, поэтому
отпустила жениха на предсвадебную вечеринку его приятеля.

Но это не значит, что мне понравилось, что он туда пошел.

— Вам какой именно? — уточняет провизор.

— Ээээ, а какие есть?

— С двумя полосками, с плюсом и минусом. Есть еще та-
кой, который показывает предполагаемый срок зачатия.

— Давайте со сроком зачатия.

Пока не могу понять, какой результат я хочу увидеть на
тесте: положительный или отрицательный. С одной стороны,
мы со Стасом и так планируем пожениться следующим ле-
том. А с другой, я хотела красивую свадьбу с белым платьем,
банкетом и свадебным путешествием! Но если я беременна,

то придется жениться сейчас, поздней осенью с дождями и тучами. А то и вовсе зимой. И хорошо, если живот выпирать не будет.

А еще я боюсь реакции Стаса. Я не сомневаюсь в его любви ко мне, он первый предложил жить вместе, а потом и кольцо подарил. Но о детях мы еще не говорили. Вдруг он не хочет?

К моменту, когда возвращаюсь в квартиру возлюбленно-го, я так себя накручиваю, что едва не рыдаю. Еще и спотыкаюсь в коридоре о коробку своих неразобранных вещей.

— Черт! — ругаюсь и приваливаюсь к стене, поджав пальцы. Ударилась мизинцем до искр из глаз.

В ванной мне едва удаётся сдерживать слезы. Как быть, если Стас не захочет ребенка?

Нет, я не желаю об этом думать. Конечно же, Стас обрадуется. Он ведь любит меня, предложил выйти за него замуж, подарил шикарное кольцо с увесистым бриллиантом. Зачем ему заводить семью, если он не хочет детей?

«Беременна

2-3»

Показывает маленький экран на тесте. Ну вот и все. Я беременна. А 2-3 это, видимо, предполагаемое количество недель с момента зачатия.

Рука сама опускается на живот. Закрываю глаза и прислушиваюсь к своим ощущениям. Приятное тепло разливается по телу, прогоняя прочь дурные мысли. Все проблемы, пе-

реживания, страхи, что одолевали меня еще полчаса назад, уходят на второй план. А на первый выходит он — мой малыш. Наш со Стасом малыш.

Сквозь закрытые веки по щекам текут одинокие слезинки. От радости. Боже мой, я стану мамой! Что может быть лучше этого?

Воображение активно рисует картины счастливого материнства: прогулки с коляской, игры, звонкий детский смех. И Стас, конечно же, обрадуется. Я расскажу ему сегодня, когда он вернётся домой.

Хотя нет. Сегодня не очень удачный день. Стас вернётся с мальчишника поздно ночью и скорее всего не очень трезвый. Завтра. Расскажу завтра. Приготовлю романтический ужин, зажгу свечи и поделюсь счастливой новостью.

Мы станем родителями. Это лучшее, что могло с нами произойти.

Мое тихое счастье прерывает вибрация мобильного телефона в кармане. Нехотя размыкаю веки, возвращаясь из прекрасных грёз. Достая смартфон, бросаю взгляд на экран и... цепенею в недоумении.

«Стас изменяет тебе. Не веришь? Приезжай сейчас в отель Санрайз, номер 316»

Сообщение с незнакомого номера.

Что?

Перечитываю смс снова и снова, пытаюсь осознать смысл написанного. Это чья-то шутка? Она не смешная.

«Вы кто?», печатаю.

Жду. Проходит одна минута. Вторая. Третья. Ответа нет.

Сердце срывается с тросов и летит в пятки. Кровь стучит в висках. Хватаюсь рукой за раковину, потому что перед глазами резко начинает плыть. Стас изменяет мне? Прямо сейчас? В номере 316 отеля Санрайз?

Нет, это невозможно. Не верю.

Но как ни стараюсь себя успокоить, а не получается. Руки дрожат, тест на беременность с положительным результатом валится на пол. Наклоняюсь, чтобы поднять его и сама падаю на колени. Рыдания сковывают горло колючей проволокой. Мне приходится собрать волю в кулак, чтобы не разреветься.

Это ложь! Это не правда! Стас не может мне изменять! Прямо сейчас я поеду в отель Санрайз, зайду в номер 316 и лично удостоверюсь, что это чей-то злой розыгрыш.

Я выбегаю на улицу быстрее, чем приезжает такси, хотя приложение показывает, что автомобилю ехать всего две минуты. Пока желтая машина с шашечками везёт меня к отелю Санрайз, прокручиваю в голове полгода отношений со Стасом.

Наш роман развивался стремительно. Мы познакомились в конце мая в баре. Я была с подругой, Стас с другом. Парни подсели за наш столик, мы разговорились... Между мною и Стасом заискрило моментально. Это была любовь с первого взгляда.

Я не могла поверить своему счастью. Красавец-автогон-

щик дарил мне шикарные букеты, водил на свидания и говорил, что я девушка всей его жизни. Я нырнула в эти отношения с головой и ни разу не пожалела. В начале сентября Стас предложил мне к нему переехать, к концу октября я перевезла в его квартиру все свои вещи, и Стас подарил мне кольцо. Мы запланировали свадьбу на следующий июль. Хотим красивое торжество.

Ради Стаса я даже отказалась от работы своей мечты. На третьем курсе университета я ездила в Париж по программе студенческого обмена. Там мне повезло попасть на стажировку во французскую нефтяную компанию. Незадолго до знакомства со Стасом моя бывшая начальница из Франции спросила, не хотела бы я устроиться к ним на работу на постоянной основе. Я как раз заканчивала бакалавриат МГИМО, искала работу и с радостью согласилась. А через две недели после этого встретила Стаса.

Все лето я мучилась сомнениями. В итоге выбрала отношения, а не карьеру. И ни разу не пожалела. Стас сделал мне предложение замуж, а сейчас я и вовсе беременна от него!

Такси тормозит у отеля Санрайз в центре Москвы. Выхожу в холодную ноябрьскую ночь и со страхом смотрю на здание пятизвездочной гостиницы.

Это чья-то злая шутка, неудачный розыгрыш. Через несколько минут я буду лично в этом убеждена.

Уверенно переступаю порог гостиницы и направляюсь к лифтам. Номер 316. Первая цифра «3» — значит, 3 этаж.

Когда металлическая кабинка высаживает меня на третьем этаже, по позвоночнику ползёт озноб, а коленки подкашиваются.

Это злой розыгрыш, Полина. Ты не должна ему верить.

Мне с трудом удаётся передвигать деревянные ноги. Чем ближе я к номеру 316, тем сильнее сердце бьется о рёбра. Когда дохожу до нужной двери, пребываю в полуобморочном состоянии.

Она не заперта. Между дверью и дверным проемом щель в несколько сантиметров. Как будто кто-то специально оставил открытой. Специально для меня?

Толкаю рукой. Дверь гостеприимно распахивается. Перед глазами предстают разбросанные по небольшому коридору женские и мужские вещи. Когда я узнаю рубашку Стаса, которую сама же и гладила несколько часов назад для похода на мальчишник, мне становится дурно. Каждый новый вдох даётся с мучительной болью, в легкие словно стекла насыпали.

В уши бьет женский стон. Томный, протяжный.

— О, да. Стасик, ты лучший.

Тело прошибает холодным потом. Чувствую, как по спине градом стекают капли вниз до копчика.

Еще один стон. На этот раз мужской.

И я узнаю этот стон. Черт возьми, узнаю. Потому что слышу его каждую ночь.

Ни жива ни мертва, делаю шаг в номер. Потом еще один и еще один, пока коридор не заканчивается и не начинается

комната.

А там на огромной двуспальной кровати верхом на моем женихе сидит голая девушка.

Глава 2. Забудь меня

Цепенею, прирастаю к одной точке, глядя, как какая-то голая девица скачет на Стасе, на моем женихе... Ее длинные каштановые волосы разлетаются в разные стороны, кожа белоснежная, почти мраморная. Они не видят меня. Девушка ко мне спиной, а Стас вовсе с блаженно закрытыми от наслаждения глазами.

Я чувствую, как рушится мой мир. Все, чем я жила, во что верила, — все летит в пропасть. Каждый новый стон моего жениха летит в меня острой стрелой. Попадает прямо в сердце, убивает его.

Я уничтожена, растоптана. Я мертва.

— Как ты можешь? — сипло выдавливаю, чувствуя, как по щекам побежали слезы.

Девица перестаёт стонать и прыгать. Резко оборачивается.

— Ааааа, — визжит и спешит прикрыться одеялом. — Вы кто такая!!!???

Она за секунду слезает со Стаса и смотрит на меня во все глаза в то время, как мой жених со все еще опущенными веками мычит что-то нечленораздельное.

— Как. Ты. Мог. — Произношу громко и четко каждое слово.

Стас наконец-то разлепляет веки. Приподнимает голову, смотрит на меня, быстро хлопая глазами.

— Полина? — удивляется. — А что ты здесь делаешь? — трёт лицо и садится на кровати.

Он тоже голый. Абсолютно. Но даже не пытается прикрыться. Вертит головой от меня к своей любовнице и от нее ко мне.

— Как ты мог... — повторяю на этот раз шепотом.

Слезы больно дерут горло. Я изо всех сил сдерживаю истерику, но еще чуть-чуть и сорвусь.

— Черт! — Стас подскакивает с постели, как ошпаренный. Неустойчиво стоит на ногах, пошатывается. Сколько же он сегодня выпил, что едва может удержать равновесие? — Поля, послушай, — выставляет вперед ладони. — Давай поговорим.

Блаженное выражение его лица вмиг будто рукой сняло. Теперь он выглядит, как человек, пойманный с поличным на месте преступления.

— Черт, где мои трусы!? — орет на весь номер, только сейчас замечая, что стоит, в чем мать родила.

— Вон, — указывает пальцем любовница.

Она все еще испуганно прикрывается одеялом, вжавшись в спинку кровати. Боится меня, что ли? Думает, наброшусь на нее? Расцарапаю лицо? Я никогда не опущусь до такого унижения — драться за мужика.

Стас, спотыкаясь, бросается в угол и натягивает боксеры. Торопится, поэтому надевает их задом наперед.

— Поля, — через секунду оказывается вплотную ко мне.

Берет меня за плечи, сдавливает их.

А меня его прикосновения огнём отвращения опаляют. Пытаюсь сбросить с себя руки жениха, вдруг ставшие такими чужими и далекими, но он не отпускает.

— Поль, послушай...

— Что послушать? Будешь говорить, что это было не то, что я подумала?

Боже, зачем я вообще разговариваю с ним? Стас хоть и взял себя в руки, а взгляд почему-то до сих пор поплывший, как будто пьяный. Впрочем, он и есть пьяный. Вон как перегаром разит.

— Поль, блин... черт...

— Убери от меня свои руки, — цежу, делая шаг назад.

Не убирает, тогда я все-таки скидываю их с себя. Мне до тошноты омерзительны его прикосновения. Смотрю в некогда любимое лицо и испытываю лишь отвращение, граничащее с ненавистью.

— Дай объяснить, пожалуйста.

Смеюсь в голос. Громко, истерично. Хохот переходит во всхлип. Зажимаю рот рукой, чтобы подавить его, однако не выходит. Я унижительно рыдаю на глазах у предателя и его любовницы.

Соберись, Полина. Соберись. Он не достоин твоих слез.

Делаю шумный вдох и усилием воли заглушаю рыдания. Сглатываю тяжёлый ком в горле.

— Все кончено, Стас. Забудь меня.

— Нет, Полина, — хватает меня за руку. — Подожди!

— Не смей прикасаться ко мне больше никогда! Ты мне противен! Омерзителен!

Я предпринимаю попытку развернуться, но Стас хватает меня, разворачивает к себе. Я снова пытаюсь сбросить его руки, он не дает это сделать. Между нами завязывается борьба, где я пытаюсь вырваться, а он пытается меня удержать.

— Поля, да подожди ты. Давай поговорим. Я люблю тебя.

Эти лживые слова провоцируют во мне взрыв, вспышку гнева. Она ослепляет меня. Не контролируя своих действий, замахиваюсь и со всей силы даю ему пощечину. Звонкую, хлесткую. Стас на секунду замирает, а я прослеживаю за тем, как на его щеке стремительно образовывается красный след от моей ладони.

— Забудь меня, — повторяю.

Пока жених все еще в ступоре, быстро разворачиваюсь и устремляюсь на выход. На мое счастье лифт на третьем этаже, и я быстро захожу в кабинку. Когда ее двери закрываются, Стас с криком «Полина, я люблю тебя» и в трусах задом наперед выбегает из номера.

Глава 3. Мама

Сколько бы лет мне ни было, а когда мне плохо, я всегда бегу к маме. Вот и сейчас вылетаю пулей из отеля и мчусь к метро. Не хочу доставать из кармана телефон и видеть пропущенные вызовы от Стаса, поэтому поеду к родителям не на такси, а на общественном транспорте.

Я так бегу, что не чувствую под ногами ни каблуков, ни асфальта. Как будто лечу над землей. В лицо бьет противный ноябрьский дождь. Это хорошо, под каплями дождя прохожим не видно моих слез.

«Дай объяснить, пожалуйста»

«Давай поговорим. Я люблю тебя»

Истеричный смех вперемешку с рыданиями разбирает меня, когда вспоминаю эти слова. До чего же гнусной ложью были все его признания в любви. Полгода наших отношений — ложь, ложь, ложь. Свидания, цветы, подарки, поцелуи — ложь, ложь, ложь.

Все было ложью. Наглой, гадкой, мерзкой.

Пассажиры в вагоне странно на меня косятся. Когда гляжу на себя в окно, вижу в отражении настоящую ведьму: мокрые спутанные волосы висят сосульками, а тушь, подводка и тени растеклись вокруг глаз, образовав чёрные круги. Но мне сейчас настолько безразлично, как я выгляжу...

От метро до дома родителей уже совсем трудно идти, по-

этому я приваливаюсь к столбу. Хватаюсь за него руками, иначе рухну на тротуар. Дождь усилился, больно бьет по щекам, заливает за шиворот куртки. Я дрожу от холода, зуб на зуб не попадает.

В свете фонаря замечаю блеск на безымянном пальце правой руки. Это помолвочное кольцо с бриллиантом, которое мне подарил Стас, когда делал предложение. Гляжу на него и чувствую, как палец горит. Полыхает огнём, заставляя всю меня сторгать от боли. С силой срываю кольцо и швыряю на дорогу под колёса машин.

— Ненавижу! — кричу, срывая голос. Падаю лбом на столб и захожусь новым приступом плача, приговаривая: «Ненавижу, ненавижу, ненавижу».

Кое-как доползаю до квартиры родителей. Ключей с собой нет, поэтому стучу в дверь.

— Полечка! — охает сонная мама, глядя на меня всю мокрую и с размазанным по лицу макияжем. — Что случилось?

— Мам, он мне изменяет, — заявляю с порога и, рыдая, падаю в тёплые объятия матери.

— Кто? Станислав?

— Ну а кто еще!?

— Ох...

Мама тяжело вздыхает и тихо уводит меня на кухню, чтобы не разбудить папу. Там отпаивает меня горячим чаем и слушает мой сбивчивый рассказ. У меня нет секретов от матери, мы очень близки, поэтому рассказываю ей все: от поло-

жительного теста на беременность до жалких попыток Стаса что-то мне объяснить. Мама слушает, не перебивая, и только осуждающе качает головой.

— Что мне теперь делать, мам? — реву белугой. — Как быть?

— Измену не прощают, — строго отрезает. — Ладно, вы бы были двадцать лет женаты и устали друг от друга. Но вы всего ничего вместе!

— То есть, через двадцать лет можно простить измену?

— И через двадцать нельзя. Но через двадцать хотя бы понятна причина измены. А сейчас что ему не так было? Зачем тогда замуж тебя звал? Кобелина...

— Я вот еще о чем думаю, мам. Кто-то специально написал мне об этом, чтобы я застукала Стаса. И дверь в номер была открыта, как будто меня ждали. Может, кто-то намеренно хочет нас разлучить?

Врагов у нашей со Стасом пары было предостаточно. Его бывшая все полгода бесится. Они со Стасом типа расстались друзьями, так вот она ему бесконечно по ночам названивала, пока я уже не поставила вопрос ребром: или прекращает общение с бывшей, или я собираюсь и ухожу. Стас выбрал меня и попросил бывшую стерву не звонить.

— Это меняет факт того, что он тебе изменил?

Мама, как всегда, не в бровь, а в глаз.

— Нет, — отвечаю, потупив взгляд и снова чувствую невыносимую боль в груди.

Родительница недовольно поджимает губы и отворачивается к заварнику, чтобы налить мне еще чаю.

— Мам, я беременна от него, — тихо произношу.

— Я это слышала. Пусть алименты платит.

— Мне от него ничего не нужно! — резко возражаю.

— А ребенка на какие шиши растить будешь? Ты подумала об этом?

Нет, не подумала. Руки снова опускаются к животу. Хотя я и окончила факультет международных экономических отношений МГИМО, а найти работу, которая бы соответствовала уровню моего образования, мне так и не удалось. Везде хотят кандидатов с большим опытом. Моя двухмесячная стажировка во французской нефтяной компании не заинтересовала кадровиков.

— Мы с отцом поможем тебе всем, чем можем, но ты должна понимать, что это твой ребенок. Тебе его растить, учить, поднимать на ноги. Так что пускай Станислав платит алименты. Ты ближайшие несколько лет работать не сможешь.

Мама ставит передо мной новую кружку чая с лимоном и мёдом и садится напротив. Я, не мигая, смотрю на поднимающийся над горячим напитком пар и думаю, как быть дальше. Все было бы по-другому, если бы я выбрала не Стаса, а карьеру и уехала в Париж. Работала бы сейчас в крупнейшей нефтяной компании, много зарабатывала и жила в самом романтичном городе мира.

Самое интересное, что Стас окончил институт нефти и газа, но не хочет работать по специальности. Предпочёл быть автогонщиком. Он очень хорошо зарабатывает на гонках, так что не видит смысла менять свою спортивную «Феррари» на душный костюм и галстук.

— Может, мне написать в Париж? — тихо озвучиваю посетившую меня идею. — Вдруг они никого не нашли на ту вакансию?

— Ну здрастье! Кто ж тебя, беременную, возьмёт? Неопределённо веду плечами.

— Необязательно говорить им, что я беременна.

— Ага, а потом ты уйдешь в декрет, и начальство тебя возненавидит.

— Можно не уходить в декрет.

— Как это не уходить? А с ребенком кто будет?

— Няня. Мне там очень хорошую зарплату предложили, я смогла бы позволить себе няню. А для родов взяла бы обычный отпуск на две недели.

Мама оторопело на меня глядит. Моя родительница старой закалки, не приемлет нянь и искусственное вскармливание. По ее мнению, с ребенком нужно сидеть до трёх лет и до этого же возраста кормить грудью.

Ну ладно, грудью до двух.

— Мне это нужно, мам! — говорю быстрее, чем она раскритикует мою идею. — Если меня в двадцать три никуда не берут без опыта, то в двадцать шесть, когда ребенку ис-

полнится три года, тем более не возьмут! Я зря в МГИМО училась, что ли?

Есть еще одна причина, по которой я испытываю жгучее желание поскорее уехать. Не хочу жить со Стасом в одном городе, в одной стране. Не хочу по одной земле с ним ходить, одним воздухом дышать.

Уехать, забыть, вычеркнуть предателя из своей жизни. Никогда его не встречать, не знать, не слышать о нем новостей. Вырвать его из своего сердца, из мыслей.

И никогда-никогда не прощать.

— Не нужна няня, — отвечает мама, подумав над моими словами. — Я приеду, когда ты родишь, и буду смотреть за ребенком. Все равно я на пенсии.

От сердца отлегло. Теперь главное, чтобы то место все еще было вакантным и меня взяли.

Глава 4. Не то, что ты подумала

Это оказывается невероятным счастьем, но меня берут на работу несмотря на то, что в конце августа я поставила будущее начальство перед фактом, что не приеду. Французы оказались не гордыми. Рабочую визу они мне сделали еще летом, поэтому ждут меня в офисе в ближайший понедельник.

У меня слишком мало времени, чтобы собраться для переезда во Францию. Но это даже хорошо. Некогда думать о предательстве Стаса. Он продолжил обрывать мне телефон и на следующий после измены день, так что пришлось его везде заблокировать. Однако подонок не успокоился и стал названивать мне с чужих телефонов. В итоге я перестала брать трубку на незнакомые номера.

Он и на этом не остановился. Приехал к моим родителям. Благо, папа с мамой живут в высотке бизнес-класса с закрытым двором. Я дала охранникам фотографию Стаса, марку и номер его машины и сказала, чтобы не пускали его ни во двор, ни в подъезд. Он двое суток стоял у шлагбаума. Окна моей комнаты выходят на дорогу, так что взгляд невольно опускался на его спортивную «Феррари».

Сердце больно сжималось. Периодически возникало желание выбежать к Стасу, простить и утонуть в страстном поцелуе. Но я себя одергивала. Измену не прощают.

Я не понимаю, что Стас хочет мне сказать. Что это было

не то, что я подумала? Что ему жаль, что он раскаивается, что хочет все вернуть, как прежде?

Конечно, я прекрасно понимаю, что кому-то было выгодно, чтобы я застучала Стаса. Мне прислали смс с незнакомо-го телефона, оставили дверь в номер открытой. Вот только это не оправдывает факт того, что Стас был в постели с другой девушкой. Так что мне не о чем с ним разговаривать.

Абсолютно все мои вещи остались у бывшего жениха. Я даю маме ключи от его квартиры и прошу съездить за ними.

— Вроде все забрала, — говорит, запыхавшись. Грузчики заносят домой картонные коробки и чемоданы моей одежды.

— Что он говорил? — спрашиваю напряжённо.

— Что это было не то, что ты подумала.

Прыскаю от смеха. Нервно, истерично, срываясь на новые слезы.

— Ну это если кратко, — добавляет. — А так распинался, что он не виноват.

— В чем не виноват? — зло рявкаю. — Его под дулом пистолета заставили раздеться и заниматься сексом с какой-то девкой?

— Я примерно так же и спросила. Он ответил, что выпил что-то непонятное, из-за чего перестал соображать. Говорит, находился в прострации и не совсем контролировал свои действия. Когда более-менее пришел в себя, на нем уже прыгала незнакомая девка, а следом и ты зашла. Иными словами, это все не он, а алкоголь! А так бы он никогда и ни

за что.

И мама сама смеется такой нелепой отговорке.

— Ты сказала ему, что я беременна?

— Нет. Это твоё личное дело. Захочешь — сама ему расскажешь.

Облегченно выдыхаю. Я знала, что мама меня не подведёт.

— Хотя я на твоём месте содрала бы с него алименты.

Мама не была бы мамой, если бы не добавила что-то подобное.

Глава 5. Я тебя нашел

Перед отъездом у меня остается одно незавершённое дело. Так получилось, что паспорт моей лучшей подруги Даши лежит у меня. Она просит меня подъехать к загсу, так как будет разводиться с мужем и подавать заявление со своим возлюбленным.

У Даши муж и возлюбленный — это два разных человека. А возлюбленный — тот самый друг Стаса, который был с ним в баре, когда мы познакомились. Мы с Дашей еще шутили, что очень удачно сходили: таких классных парней себе отхватили. Вот только как показало время, удачным поход в бар оказался только для Даши. Они с Витей ждут ребенка и женятся.

По дороге к загсу я мучаюсь одним вопросом: Витя знал, что Стас мне изменяет? Они ведь очень близкие друзья. Витя тоже автогонщик, они со Стасом постоянно тусят вместе. Также Виктор хорошо знает бывшую девушку Стаса, Аллу, и даже иногда с ней общается.

Пока доезжаю до загса, так себя накручиваю, что готова наброситься на Витю и расцарапать ему лицо.

— Ты знал!? — сходу на него налетаю.

— Что? О чем? — Витя опешил от моей нападки.

— О том, что Стас изменяет мне!

— ЧТО??? — восклицают с Дашей одновременно.

— Не надо делать из меня дуру! Ты его лучший друг! Я никогда не поверю, что ты не знал об этом!

Витя смотрит на меня во все глаза. Интересно, он был на том мальчишнике? Видел, как Стас уходит с девушкой?

— Мне ничего об этом неизвестно. Да и не верится, что Стас мог тебе изменить. Ты уверена?

— Я застала его в постели с голой девушкой! Хочешь сказать, это было не то, что я подумала?

Виктор растерянно проводит ладонью по волосам. Пожимает плечами.

— Слушай, я не знаю, — оправдывается. — Мне ничего об этом неизвестно. Ну и как-то не верится, если честно. Стас счастлив с тобой. Я его таким давно не видел. Он серьезно к тебе настроен.

Еще один! Поёт так же сладко, как и его дружок-изменщик. Может, еще скажет, что Стас меня любит? Вот я посмеюсь.

— Хватит вешать мне лапшу!!! — взрываюсь. — Я на идиотку похожа??? Я захожу, а он в кровати с какой-то бабой! Я видела это собственными глазами!

Все, не могу больше держаться. Резко замолкаю и горько всхлипываю, согнувшись пополам. Опять.

Опять я плачу из-за изменщика, предателя, подонка, мерзавца, козла, кобеля... Перечислять можно бесконечно.

Даша тут же бросается ко мне. Бессовестно реву подруге в плечо, оставляя мокрый след на ее бежевом пальто.

— Полечка, пожалуйста, тише, — гладит меня по волосам и спине.

— Даша... — захлебываюсь слезами. — Он был с другой... В одной кровати, голый... Он занимался с ней сексом... Я сама видела... Как он мог, Даш?? Он же мне в любви клялся...

Даша пытается меня утешить, говорит что Стас не достоин моих слез. Банально, но ведь правда. Разве этот подонок, предатель, мерзавец, которому я по глупости вручила свое сердце, достоин меня? Нет, не достоин. Ни меня, ни моего ребенка. Он нам не нужен.

Отдаю Даше ее паспорт и прощаюсь. Завтра утром у меня самолёт в Париж, о чем я и сообщаю подруге. Про беременность не говорю. У меня нет секретов от Даши, но теперь она выходит замуж за ближайшего друга Стаса. Вдруг Витя ему расскажет? А я не хочу, чтобы предатель знал о ребёнке. Он его не заслужил.

На следующий день я просыпаюсь в пять утра, беру два больших чемодана и еду в «Шереметьево». Прошу родителей меня не провожать. Не хочу долгих прощаний и их слез в аэропорту, как будто я уезжаю навсегда и мы больше никогда не увидимся.

Мне уже удаётся не плакать каждый раз, когда я вспоминаю измену Стаса, но все равно я чувствую себя подавленной. Отъезд в самый романтичный город мира на работу моей мечты отнюдь не радует меня. В аэропорту я прохожу ре-

гистрацию на рейс, сдаю багаж и медленно плетусь к зеленому коридору, как вдруг слышу за спиной голос, который выворачивает мою душу наизнанку:

— ПОЛИНА!!!!

Резко торможу и застываю на месте, как вкопанная. Паника разрастается в геометрической прогрессии. Внутренний голос кричит: «Полина, беги!», но только я делаю шаг, как ОН хватается меня за руку и силой разворачивает к себе.

Едва не падаю на него. В ноздри сразу врывается знакомый, некогда любимый, запах. Заполняет легкие, впитывается в клетки. Еще не так давно я обожала глубоко вдыхать этот аромат, уткнувшись в мужскую шею, а теперь он меня душит, словно удавку набросили.

— Я все-таки тебя нашел, — произносит, запыхавшись.

Глава 6. Да или нет?

Осмеливаюсь поднять на Стаса взгляд. Сердце сразу же подскакивает к горлу и следом летит в пятки. Голова кружится. Предплечье, за которое он меня держит, огнём горит.

— Полина, послушай меня. Дай все объяснить.

Прогоняю наваждение от его столь близкого присутствия, вырываю руку из захвата.

— Какого черта ты здесь делаешь? — восклицаю. — Как ты вообще меня нашел?

— Витя сказал, что у тебя самолёт сегодня утром. Я посмотрел, только из «Шереметьева» были вылеты в Париж сегодня с утра.

Ах, Витя сказал. Без пяти минут муж моей лучшей подруги. Так я и знала, что они со Стасом в одной упряжке. И конечно, Витя не мог не знать о его изменах. Знал и нагло смотрел мне в лицо.

— Мне не о чем с тобой говорить. Я видела все собственными глазами. Я тебе уже сказала: забудь меня.

Предпринимаю попытку развернуться и уйти, но Стас снова хватает меня за руку и разворачивает к себе.

— Да послушай же ты меня! Полина, неужели у тебя не возникло вопроса, кто сказал тебе приехать в отель? Кто сделал так, чтобы ты все увидела? Может, кто-то намеренно хочет нас разлучить?

— Конечно, я задавалась этими вопросами, и не раз. Вот только разве они отменяют тот факт, что на тебе скакала голая девушка?

— Я тебе все объясню!

— Я не хочу слушать объяснения. Я хочу услышать честный ответ на один вопрос.

— Какой?

— Ты занимался с ней сексом?

Осекается, теряется.

— Дай объяснить...

— Ответь на вопрос, — перебиваю. — Ты занимался сексом с той девушкой? Да или нет?

— Полина, послушай...

— Да или нет? — снова перебиваю, повысив голос. — Всего одно слово: да или нет?

— Полина, я...

— Да или нет!? — взрываюсь так, что слышат люди вокруг. — Посмотри мне в глаза и скажи: да или нет.

Он молчит. Смотрит на меня и молчит. Еще пару десятков секунд назад его глаза горели огнём, а сейчас я вижу, как он медленно гаснет. А мне вдруг становится жизненно необходимо услышать от него одно слово — «Нет». Я видела все своими глазами, но хочу услышать от него «Нет».

— Да или нет? — повторяю шепотом, чувствуя, как в горле образуется новый ком. — Скажи мне: да или нет?

Пожалуйста, Стас, скажи «нет». Я умоляю тебя, скажи

«нет». И я поверю тебе, прощу тебя, останусь с тобой. Только скажи «нет». Умоляю.

— Да, — выдыхает.

Эти две буквы звучат, как смертный приговор. С ресницы срывается слезинка и падает на носок моего ботинка. Шмыгаю носом, уже не переживая, что унижаюсь перед этим предателем.

— Все кончено, Стас, — говорю спокойно, без эмоций, злости или ненависти. — Мне не важно, кто и зачем устроил так, чтобы я тебя застукала. Важен сам факт: ты мне изменил. Я не прощу тебя. Измену не прощают. Я уезжаю и не хочу больше ничего о тебе знать. Не надо меня искать, пытаться что-то объяснить... Никакие объяснения не изменят того факта, что ты мне изменил.

— И тебе все равно, что кто-то намеренно нас разлучает? Тебе все равно, что этот «кто-то» прямо сейчас добивается желаемого?

— Этот «кто-то» никогда бы нас не разлучил, если бы ты мне не изменил.

— Дай объяснить, Поль...

— Мне достаточно того, что ты признался в измене. Не надо, Стас. Я уезжаю и не вернусь. Между нами все кончено.

Он смотрит на меня, как побитый щенок на хозяина. Сердце больно сжимается. В груди кровоточит огромная рана. Мне не легко все это произносить. Ведь я любила этого человека, была с ним счастлива, доверила ему самое цен-

ное, что у меня было, — себя, свою жизнь. А сейчас я ношу под сердцем ребенка от него. Как это ни печально, а мы всю жизнь будем связаны нашим малышом.

— Я люблю тебя, Полина. Правда люблю.

Он произносит эти слова с таким чувством, что не остается сомнений: правду говорит. Вот только это ничего не меняет.

— А я тебя больше нет, — из груди вырывается горькая усмешка. — Ты убил мою любовь, Стас. Ты просто ее растоптал.

Я замечаю, как бледнеет его лицо и синеют губы. Мне не доставляет никакого удовольствия разбивать ему сердце. Наоборот, каждая секунда рядом со Стасом пытке подобна. Мне ведь тоже больно. До смерти больно.

— Прощай, — говорю последнее слово.

Быстро разворачиваюсь и, смахивая слезинки, тороплюсь к зеленому коридору. Подаю паспорт с посадочным талоном и прохожу к пунктам досмотра. Очереди, к счастью, нет. Беру корзинку, кладу туда сумку, ремень, часы. Ботинки без высокой подошвы, так что можно не снимать. Захожу в кабинку, поднимаю руки, чтобы меня просканировали, выхожу из нее и снимаю с ленты корзинку со своими вещами. Когда уже застегиваю ремень и вешаю на плечо сумку, слышу громкий крик:

— Полина!!! Подожди!!!

Резко оборачиваюсь. Стас бежит ко мне со всех ног.

Пробегают стойку, где проверяют паспорт с посадочным, и устремляется к пунктам досмотра.

— Молодой человек, стойте! — срывается за ним охранник.

— Без проверки посадочного туда нельзя! — верещит девушка, которая проверяет эти самые посадочные.

Стас игнорирует крики сотрудников аэропорта и охраны, продолжает бежать ко мне. Врывается к пунктам досмотра, отталкивает мужчину, который собирается входить в кабину для сканирования, и пробегает через нее.

— Полина! Я не дам тебе уехать!

В момент, когда Стас приближается ко мне, к нему поспевают несколько охранников. Один из них запрыгивает Стасу на спину, чтобы остановить его. Бывший жених падает на пол, ему заламывают назад руки. Он вырывается, отпихивает от себя охранника. Подскакивает на ноги, тогда его хватается второй. Стас даёт ему кулаком в лицо и снова бежит в мою сторону. Третий охранник останавливает Стаса, дав ему по затылку резиновой дубинкой. Бывший жених снова падает, к нему подбегают остальные охранники, у одного из которых от кулака Стаса сочится кровь из губы, и надевают на него наручники.

Стас в сознании, отрывает от пола голову и кричит:

— Полина! Прости меня! Не уезжай! Дай объяснить!

Я наблюдаю эту картину, находясь в полном шоке. Люди вокруг тоже пялятся, в том числе на меня. Еще и перешеп-

тываются. Господи, какой ужас. Зачем он это сделал? Его теперь арестуют? А меня? Он ведь ко мне побежал.

Одна часть меня, глядя на то, как Стаса впечатывается лицом в пол, хочет броситься к нему. Вторая кричит: «Полина, уходи! У тебя самолёт!».

Быстро разворачиваюсь и с колотящимся сердцем устремляюсь к паспортному контролю.

— ПООООЛИИИИНАААА!!!! — летит мне в спину истошный крик. — Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!!!

Глава 7. Пять лет

Так начинаются мои пять лет во Франции. Самые сложные, самые тяжелые, но в то же время самые захватывающие и интересные пять лет моей жизни.

Я сразу ухожу с головой в работу. Раньше всех прихожу в офис, позднее всех ухожу, быстрее всех обедаю. Наш департамент занимается стратегическим планированием, оценкой рисков, управлением проектов. В мои обязанности входит написание стратегии развития компании на ближайшие пять лет. Я делаю это вместе с десятью другими коллегами. Для стратегии приходится изучать много материалов по текущим проектам, нефтяным месторождениям, добыче, ездить в командировки, а потом анализировать всю информацию и делать прогнозы.

Мне нравится работа. Нравится, что очень большая нагрузка. Некогда вспоминать Стаса и страдать. Начальство ко мне тоже хорошо относится, ценит. Правда, до того момента, как у меня не начинает выпирать живот. Тогда я тороплюсь успокоить руководство, что не собираюсь уходить в декрет. Возьму обычный отпуск на две недели, чтобы родить, а потом выйду и продолжу трудиться в том же темпе.

Мама приезжает за два месяца до родов. Помогает обустроить детскую, купить все необходимое для ребенка. В июле я рожая девочку. Прекрасную светлую и голубоглазую

малышку. Я даю ей имя Вероника. Оно есть и в России, и во Франции.

С рождением ребенка становится еще сложнее, несмотря на помощь мамы. Раньше я спала ночью по 5-6 часов, а сейчас и этих часов нет. То колики, то зубки, то просто капризы. К тому же мама настояла на том, чтобы я кормила грудью, а это дополнительные сложности на работе.

Мне приходится сбегать с рабочего места, закрываться в пустой переговорной, сцеживать молоко молокоотсосом, упаковывать баночки в бумажный пакет и передавать курьеру, чтобы он отвез домой. Это нужно делать каждые два-три часа. Из-за того, что значительная часть рабочего времени уходит на сцеживание, мне приходится дополнительно задерживаться в офисе или вовсе брать работу домой.

В какой-то момент я начинаю чувствовать себя роботом. Делаю все на автомате и практически не сплю. Но несмотря на то, что физически мне очень тяжело, я неимоверно счастлива. У меня есть дочь. Мое маленькое чудо, мой ангелочек. Мне катастрофически не хватает времени с ней, и я стараюсь использовать каждую минуту вместе. Мое самое любимое — когда вечером Вероника лежит у меня на груди. Я кормлю ее и люблю, целую пухлые щечки, вдыхаю молочный запах.

Время идет, дочка вырастет, а меня повышают на работе до заместителя начальника отдела. Я работаю все так же много, но уже становится легче. Прекращаю грудное вскармливание, заканчиваются колики, зубки, плач без причины, и

мы наконец-то начинаем спать по ночам.

Чем взрослее становится Вероника, тем сильнее она похожа на Стаса. В младенчестве было особо непонятно, а вот когда дочери исполняется два года я отчетливо вижу в ней черты бывшего жениха. От этого начинает просыпаться старая рана. Увы, она так и не зажила окончательно.

Новая страна, изнуряющая работа, ребенок — ничто не смогло исцелить меня после предательства возлюбленного, ничто не помогло забыть. А Вероника вовсе становится ежедневным напоминанием о сильной любви и сильном предательстве. Я ни в коем случае от этого не люблю дочь меньше, просто неожиданно погружаюсь если не в депрессию, то в глубокую тоску, от которой на стенку лезть хочется. В грудь как будто осиновый кол вогнали — вот так мне больно. Дочка ведь даже в куклы играть не хочет, только в машинки. Потому что ее папа — автогонщик.

Я часто задаю себе вопрос, правильно ли поступила, не выслушав объяснения Стаса, не сказав ему о ребенке. Кто сделал так, чтобы я его застукала? Склоняюсь к тому, что это была его бывшая девушка Алла. Больше некому. Стас постоянно то сходиллся с ней, то расходился. По его словам, их отношения были токсичными, она выносила ему мозг, шантажировала, плела интриги. Стас терпел это полтора года, а потом принял волевое решение поставить окончательную точку. Через месяц после их расставания встретил меня.

Как только Алла узнала обо мне, сразу активизировалась.

Они со Стасом расстались типа друзьями, так что на правах «подруги» она принялась названивать ему по ночам. К тому же они крутились в одной компании и регулярно встречались лично. Почти всегда на их тусовки я ходила вместе со Стасом, так Алла даже меня не стеснялась. Стас держался с ней прохладно, одергивал и не отходил от меня. А потом мне их «дружба» надоела, и я поставила вопрос ребром. Тогда Стас прекратил с ней любое общение.

Могла ли Алла сделать так, чтобы я застукала Стаса? Могла.

Отменяет ли это факт того, что Стас мне изменил? Увы, нет.

— *Да или нет? — повторяю шепотом, чувствуя, как в горле образуется новый ком. — Скажи мне: да или нет?*

Пожалуйста, Стас, скажи «нет». Я умоляю тебя, скажи «нет». И я поверю тебе, прощу тебя.

— *Да, — выдыхает.*

Сцена из аэропорта с его признанием в измене никогда не сотрется у меня из памяти. Как и то, что я увидела в отеле.

Стас изменил мне, и не имеет значения, кто и зачем прислал мне смс.

Мое эмоциональное состояние усугубляется, когда Вероника начинает спрашивать, где ее папа. Мы с мамой сочиняем сказку о том, что ее папа космонавт и улетел на Луну. Но дочке эта история не кажется достаточно убедительной. Она требует, чтобы папа поскорее вернулся или, как минимум,

позвонил ей.

— На Луне, что, нет телефона? — требовательно топает ножкой.

— Нет... — растерянно отвечаю.

— Я хочу, чтобы мой папа ко мне приехал! Или взял меня на Луну с собой. Он что, не любит меня? Почему он улетел на Луну без меня?

Такие вопросы дочери разбивают мне сердце по новой. Я не знаю, что отвечать, как выкручиваться из ситуации. Все становится только хуже, когда Вероника идет в садик и оказывается, что там у всех детей есть папа, кроме нее. Дочка плачет, закатывает настоящие истерики и требует, чтобы ее папа немедленно к ней приехал.

Я реву вместе с Вероникой. Мама, глядя на все это, осуждающе качает головой.

— Зря ты скрыла от него беременность, — говорит мне как-то раз после очередного скандала Вероники.

Замечание матери бьет по самому больному месту.

— Он изменил мне! — зло рываю.

— Ну объясни это Веронике, — ухмыляется. — Может, эта отговорка зайдёт ей лучше, чем про космос.

Со всей силы хватаюсь за кухонную столешницу, рискуя поломать ногти.

— Вероника — только моя дочь, — цежу.

— Ну те же ее не от святого духа родила. Вполне себе от реального мужчины.

— Этот мужчина изменил мне. Так что он всего лишь донор спермы.

Мама вздыхает.

— Ну раз так, может, тебе пора заняться своей личной жизнью? Сколько можно работать? Глядишь — и папа для Вероники найдётся.

Это еще одно болезненное место. В личной жизни у меня не просто все тихо, она напрочь отсутствует. За три с лишним года в Париже я не сходила ни на одно свидание. Сначала я была беременной, потом Вероника была на груди, а потом я просто не хотела. Да и сейчас не хочу, но чем больше дочь требует папу, тем больше я задумываюсь о том, что мне нужно наладить личную жизнь и дать ребёнку если не отца, то хотя бы нормального отчима.

Я не придумываю ничего лучше, чем скачать на телефон Тиндер (мобильное приложение для знакомств. — примечание автора). Так я начинаю общаться с противоположным полом.

Общаюсь и понимаю, что мне вообще никто не нравится.

Они все не такие. У одного мне не нравится внешность, второй кажется слишком глупым, третий инфантильным, четвёртый грыз на свидании ногти, пятый некрасиво смеется, шестой заплатил в ресторане только за себя... Таким образом, дальше второго свидания ни с кем не заходит.

— Ты слишком придираешься, — выносит вердикт мама. — Вот этот Пьер очень даже ничего.

— Ему тридцать лет, и он живет с родителями.

— Ты тоже живешь с мамой.

Справедливое замечание.

— Ты помогаешь мне с ребенком! А если мужик в тридцать лет живет с родителями, то тут что-то не так.

— Тебе все не так.

И снова справедливое замечание. Да, мне все не так. Мне никто не нравится. Я никого не хочу. Мне хорошо одной. И я удаляю из телефона Тиндер.

Иногда бессонными ночами я вспоминаю Стаса. Вспоминаю с хорошей стороны. До измены я ведь была с ним счастлива. Стараясь не думать о предательстве, воссоздаю в памяти наши лучшие моменты: знакомство, первое свидание, его сюрпризы. Вспоминаю, как приводил к друзьям и представлял своей девушкой. Мне это так льстило. Вспоминаю, как целовал у всех на глазах. Я тогда смущалась, но была до ужаса довольна.

Еще вспоминаю, как предложение сделал. Это было обычное утро, я уже переехала к Стасу. Готовила завтрак на кухне, на мне была его футболка. Стас подошёл сзади, прижался ко мне, поцеловал в шею.

— Хочу, чтобы каждое утро было таким, — сказал.

— Каким? — кокетливо уточнила.

— Ты на моей кухне, в моей майке, готовишь нам завтрак.

Я опустила глаза к миске с тестом для блинов и заулыбалась как дурочка. И вдруг ровно над миской возникла крас-

ная бархатная коробочка.

— Что это? — растерянно уточнила.

— Открой.

В крови уже произошёл адреналиновый взрыв. Шумно вдохнув, я открыла коробочку и увидела золотое кольцо с большим бриллиантом.

— Ты выйдешь за меня замуж? — спросил на ухо.

От шока я потеряла дар речи. Смотрела на кольцо и только чувствовала, как щиплет в глазах.

— М? Выйдешь?

— Конечно, — обрела способность говорить. — Конечно, выйду.

Развернулась к возлюбленному и утонула в самом сладком поцелуе.

— Тебя одну хочу, — прошептал мне в губы. — На всю жизнь тебя одну.

Это был один из самых счастливых дней в моей жизни. При каждом воспоминании боль переполняет. Все перечеркнула измена. Все поцелуи, подарки, признания в любви — все меркнет, гаснет, когда перед глазами встает картина из номера 316 отеля Санрайз. Хоть прошло больше трёх лет, а слезы продолжают течь, когда думаю о предательстве Стаса.

Как он мог? Ну как он мог?

И лишний раз убеждаюсь: правильно сделала, что не простила, правильно сделала, что не сказала про ребенка.

Я ничего не знаю о Стасе. Как живет, чем занимается.

Есть ли девушка? Может, женился? Что с ним было после происшествия в аэропорту? Арестовали? В соцсетях еще тогда Стаса заблокировала и до сих пор не вытащила из чёрного списка, французский номер никому в России не сообщала. Даже своей лучшей подруге Даше. С ней пришлось прекратить общение, потому что она замужем за лучшим другом Стаса, а я не хочу, чтобы бывший жених хоть что-нибудь обо мне знал. Особенно про ребенка.

Проходят еще два года. В моей жизни почти ничего не меняется. Я все так же много работаю и воспитываю дочь. В личной жизни так же тишина. Вероника так же мечтает о папе, но уже, к счастью, без истерик.

Так бы продолжалось и дальше, как вдруг я неожиданно получаю предложение о работе из крупнейшей российской нефтяной компании. Со мной связался лично вице-президент и предложил должность начальника отдела стратегического планирования. Для меня это повышение, к тому же зарплату дают баснословную. Когда я увидела цифру, даже глазам сначала не поверила. Подумала, они ошиблись в паре ноликов.

Когда-то я обивала пороги российских нефтегазовых компаний, а мне давали от ворот поворот. А теперь меня переманивают за большие деньги. Приятно, черт возьми.

Вопрос переезда — очень серьёзный. Я не была дома почти пять лет. Мама возила Веронику в Москву без меня, я оставалась в Париже. А в отпуск все вместе мы обычно ездим

ли на французский Лазурный берег. Когда-то я убежала из родного города, чтобы не ходить по одной земле и не дышать одним воздухом с человеком, который разбил мне сердце. Готова ли я вернуться?

Сейчас дело касается не только меня, а еще и моей дочери. Где Веронике будет лучше? В Париже она родилась, здесь у нее друзья. А с другой стороны, все родственники у нас в России. Да и мама уже хочет возвращаться, надоела ей Франция. Родительница так и не смогла здесь освоиться. Есть еще одна проблема — у Вероники все плохо с русским языком. Чем дальше, тем ей тяжелее на нем говорить, хоть дома мы и общаемся исключительно на русском.

А за два месяца до предложения от российской нефтяной компании я познакомилась, скажем так, с очень приятным молодым человеком из России. У Алексея своя маркетинговая фирма. Очень крупная, международная. Наша компания наняла ее для продвижения сети автозаправок в Европе. Реклама и маркетинг — совсем не моя сфера, но так уж вышло, что я присутствовала на встрече руководства с Алексеем, где обсуждался рекламный план.

После совещания мы с ним разговорились. Все-таки соотечественники. Оказалось, он тоже учился в МГИМО, но на другом факультете и на пару курсов старше меня. Был уже вечер, конец рабочего дня. Алексей предложил продолжить обсуждение преподавателей и родного вуза в ресторане.

За ужином и веселым разговором я не заметила, как про-

летели три часа. Алексей вызвался проводить меня до дома, и нас ждала очень приятная получасовая прогулка по ночному летнему Парижу.

Алексей сразу обозначил свою симпатию ко мне. Я сразу сказала, что у меня есть дочь. Его это ни капли не смутило. Через пару дней он улетел в Россию, и мы продолжили общение по телефону.

Мама, узнав, что у меня наклеывается роман, сразу присела мне на уши, что я не должна «упустить такого замечательного молодого человека». Вот только наше общение так и осталось по телефону, ведь Алексей в России, а я во Франции. Единственный раз, когда он еще приезжал в Париж, я, как назло, была в командировке. А за неделю до супер-предложения из российской компании Алексей спросил меня в лоб: «Не хочешь вернуться в Москву и попробовать отношения?».

В общем, взвесив все «за» и «против», я ответила российской компании согласием и решила дать шанс отношениям с Алексеем.

Глава 8. Ну здравствуй

Москва. Я не была дома без малого пять лет. Испытываю странные чувства. С одной стороны, все такое родное и любимое. А с другой, слишком непривычно после относительно тёплого Парижа. На новой работе меня ждут через две недели, а пока я осваиваюсь в российской столице. Встречаюсь с многочисленными родственниками, гуляю по некогда любимым местам. Только с Алексеем увидеться не получается. Он, как назло, сейчас в отъезде. Вернётся, когда я уже выйду на работу.

Порываюсь написать Даше, но каждый раз отбрасываю телефон в сторону. Что сказать подруге, с которой не общалась пять лет? «Привет, я вернулась»? Глупо. Хотя я так скучаю по ней, что от тоски в груди щемит. Но все-таки не пишу.

Я уехала из Москвы от Стаса. Не хотела находиться с ним в одном городе, боялась случайно встретить. Странно, а за пять лет это не изменилось. Я хожу по знакомым улицам в центре, и сердце подпрыгивает при виде каждого темно-русого затылка. Вдруг это он? И облегченно выдыхаю, когда понимаю: не он.

Не понимаю, откуда у меня это. Столько лет прошло. Почему я по-прежнему боюсь с ним встречи? Не должна. Я стала намного сильнее, теперь вряд ли трусливо сбегу от того, кто меня обидел.

Наступает мой первый рабочий день. Волнительно. В душе непонятное предчувствие. Не могу понять, хорошее или плохое. Но то и дело сердце замирает в ожидании.

В ожидании чего? Не знаю.

Наверное, это просто нервы. Я ведь никогда работу не меняла. Французы были моими первыми и единственными работодателями.

В 9 утра я переступаю порог компании «Нефть России», получаю в окошке пропуск и поднимаюсь на десятый этаж. Сразу к вице-президенту Архипову Константину Дмитриевичу.

— Полина Красникова, — представляюсь секретарю в его приемной. — Мне назначено.

— Проходите.

Коротко постучав в дверь, открываю.

— Доброе утро, — здороваюсь первой.

Седовласый мужчина примерно под шестьдесят лет восседает на большом кожаном кресле за дубовым столом.

— Доброе-доброе, — с широкой улыбкой поднимается мне навстречу. — Рад видеть. Присаживайся.

Мы садимся за переговорный стол друг напротив друга.

— Очень рад, что ты приняла мое предложение! Нам нужны такие специалисты, как ты.

Меня все-таки точит червячок обиды. Когда я отправляла в «Нефть России» свое резюме, мне отказали, даже не пригласив на собеседование. Я тогда заканчивала четвёртый

курс бакалавриата МГИМО и искала работу. Из опыта была только трехмесячная стажировка у французов.

— Рада, что вы все-таки смогли оценить меня по достоинству.

Архипов непонимающе прищуривается.

— В студенчестве я направляла в вашу компанию резюме, мне отказали. Наверное, потому что не было опыта.

Вице-президент недовольно цокает.

— А я всегда говорил: нужно набирать молодых и талантливых. Но департамент кадров мне, к сожалению, не подчиняется, — разводит руками.

— Все в порядке, — смеюсь. — Опыт во Франции оказался очень полезным.

— Значит так, — сразу становится серьезным. — Ты теперь начальник отдела стратегического планирования. Это новый отдел, его раньше не было. У тебя в подчинении десять человек. Я тебя с ними познакомлю. Твой отдел входит в департамент стратегического планирования, прогнозирования и инноваций. Он тоже новый.

— Давно создали департамент?

— Несколько месяцев назад. Недавно мы назначили там молодого и перспективного директора, чуть старше тебя. Тоже перешёл к нам от конкурентов.

— От иностранных конкурентов?

— Нет, от российских. От иностранных конкурентов у нас только ты.

Интересно. Могли бы должность директора департамента и мне предложить. Ну а что? Разве я не тяну? Французская компания, в которой я работала, входит в пятерку крупнейших в мире по добыче нефти. Да и технологии у французов куда лучше наших. Так что по опыту я превосхожу любого российского коллегу.

Почему-то этот директор мне уже не нравится. Ладно, посмотрим на него. В любом случае нанимал меня сам вице-президент, так что и отчёт мне держать перед ним.

Мы говорим о планах и задачах, выстраиваем их по приоритетности, а затем Константин Дмитриевич ведет меня на встречу с президентом компании. Тому особо не до меня. Безразлично листает мое резюме, кивает, мол, хорошо. Далее меня ждет долгое оформление в отделе кадров. Наконец, Архипов показывает мне мой кабинет и представляет моим сотрудникам. На меня смотрят десять лиц. С отпечатком интеллекта из них максимум пять. Остальные, видимо, чьи-то сыновья и дочки, пристроенные по связям. Ну что ж, и с этим придется разбираться.

— А с директором департамента меня познакомят? — спрашиваю Архипова после встречи с моим отделом.

— Да, он сегодня целый день на выездных встречах, но уже должен был вернуться. Пойдём.

Его кабинет находится на моем же седьмом этаже, только в другом крыле. Пока мы идём, чувствую, как по позвоночнику пробегает озноб. Сама удивляюсь этому. С чего бы?

У директора департамента просторная приемная, в которой сидит секретарь. Хотя нет, она не секретарь. И даже не секретарша.

Она секретутка.

— Добрый день, Константин Дмитриевич, — подпрыгивает от неожиданности при виде нас.

На пухлых губах секретутки ярко-красная помада. Глубокое декольте блузки подчеркивает грудь размера так третьего. У нее идеально выпрямленные чёрные волосы чуть ниже плеч, вздернутый нос и кукольно-большие глаза. Из-под стола виднеются длинные ноги в капроновых колготках и Лабутенах на шпильках.

Во Франции ее бы на порог офиса не пустили в таком виде.

— Станислав у себя? — басит Архипов.

— Да, уже вернулся.

«Станислав».

Одно это имя разрядом тока прошибает. Как я отвыкла его слышать. Во Франции нет Станиславов, чему я была безмерно рада. Даже просто имя вгоняет мне кинжал в сердце.

Пять лет прошло, а до сих пор больно, как будто все это было вчера.

Никогда, никогда, никогда его не прощу.

Архипов стремительно пересекает приемную по направлению к кабинету. Я поспеваю за ним, смотря себе под ноги. Ни с того, ни с сего разыгрались нервы. Не стуча, ви-

це-президент распахивает дверь и проходит. Я тоже делаю шаг внутрь.

— Станислав, приветствую.

— Добрый день, Константин Дмитриевич.

Услышав голос, резко торможу, будто приросла к одной точке. Поднимаю взгляд и... сердце пропускает удар. Быстро-быстро моргаю, надеясь, что в большом кресле сидит не тот человек, которого мечтаю никогда не встречать.

Но это он...

Тот, кто меня жестоко предал. Тот, кого я ненавижу. Тот, от кого я втайне родила дочь...

Не может быть... Голова кругом идет, дышать становится тяжело, будто весь воздух разом закончился.

— Полина, познакомься, — Архипов поворачивается ко мне. — Войцеховский Станислав Сергеевич, директор департамента и твой непосредственный начальник. Станислав, — теперь смотрит на него. — Это Полина Красникова, возглавит отдел стратегического планирования. К нам прямоком из Франции!

Я стою ни жива ни мертва. Чувствую, как дрожат пальцы на руках. Паника охватила все тело. Это шутка? Как такое возможно?

— Ладно, мне уже пора уезжать на встречу. Знакомьтесь, — на этих словах Архипов разворачивается и покидает кабинет. С хлопком двери пространство заполняет звенящая тишина.

— Ну здравствуй, Полина, — произносит холодным, как лед, голосом и окидывает меня взглядом, не выражающим ни единой эмоции.

Глава 9. Я изменился

Кабинет стремительно сужается, стены давят на меня, ломая кости. Голос Стаса эхом звенит в ушах:

«Ну здравствуй, Полина».

Я не могу дышать. Каждый вдох — пытке подобен. В легкие словно стекловаты насыпали.

Не мигая, смотрю на него. Боже мой, это он! Стас! Отец моего ребенка. Человек, которого я любила больше, чем саму себя.

Он изменился. Стал не то взрослее, не то мужественнее. Солиднее. Да, пожалуй, это слово подходит лучше всего. Стал солиднее. Темно-синий пиджак отлично сидит на сильных плечах. Под ним белоснежная рубашка. Галстук слегка расслаблен. Гладко выбрит, на запястье часы. Не вижу отсюда марку, но выглядят очень дорогими.

На безымянном пальце правой руки кольца нет.

Да, изменился. Но в то же время это он, Стас. Человек, за которого я собиралась замуж, и человек, который меня предал, растоптал мою любовь своей гнусной изменой.

Он тоже рассматривает меня. Так же жадно, как я его. Я ощущаю его взгляд, словно прикосновения. Горячие, нетерпеливые. Вот сейчас он трогает мою шею, спускается вниз по грудной клетке, задевает ключицы, прикасается к груди, и в этот момент мое сердце делает сальто.

— Станислав Сергеевич, ваш кофе, — в кабинет стремительно врывается секретутка.

Ее появление заставляет Стаса отвлечься от меня, и я облегченно перевожу дыхание. Мое внимание тоже переключается на девушку. Теперь могу рассмотреть ее в полный рост. Не такая уж и высокая. Даже на шпильках ниже меня.

Эта секретутка — яркий пример того, как можно обмануть дресс-код. Вот вроде она в строгой блузке и деловой юбке-карандаш почти до колен. То есть, одета по дресс-коду. Вот только юбка мала на пару размеров и слишком обтягивает упругие ягодицы, а декольте блузки вроде бы и не очень глубокое, но отлично позволяет оценить пышную грудь. Ну а высота шпилек и цвет помады дресс-кодом не регулируются.

— Спасибо, Юля, — Стас тепло улыбается секретутке, когда она ставит перед ним кофе.

— Всегда пожалуйста, Станислав Сергеевич.

Секретутка разворачивается и семенит к выходу, постукивая острыми шпильками по паркету. Как только за ней закрывается дверь, я сразу нападаю:

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю с претензией.

— Очевидно, работаю, — парирует, делая глоток кофе. — Твоим начальником, — добавляет, вернув кружку на блюдце.

Его ответ вызывает у меня смех.

— Это я уже поняла. Какими судьбами?

— Я окончил институт нефти и газа, если помнишь.

— Помню. А еще помню, как ты говорил, что не променяешь свою спортивную «Феррари» на душный костюм и галстук. Что изменилось?

— Я изменился.

Осекаюсь. В этих двух словах чувствуется какой-то особенный смысл. «Я изменился».

Да, изменился... Вон как холодно и безразлично смотрит, что по телу озноб пробегает. Пять лет назад Стас ни на кого так не смотрел. Его взгляд всегда был тёплым, добрым, веселым.

— Ты знал, что я приду сюда работать?

— Конечно. Ты же пришла в один из моих отделов.

Фыркаю и качаю головой.

— Что-то не так? — спрашивает.

— Да, не так. Какого черта, Стас?

— Что именно? — снова отпивает из кружки.

Вообще, это странно выглядит. Он сидит за столом и пьет кофе, а я стою перед ним, словно школьница, которую вызвали на ковёр.

— И как, по-твоему, мы будем вместе работать?

Пожимает плечами.

— Я не вижу никакой проблемы.

Еще раз фыркаю. Какой-то сюр.

— Послушай, Полина, — его голос неожиданно приобретает нотки стали. — Если у тебя есть какие-то обиды на меня, ты должна оставить их за дверями компании. Иначе...

— Какие-то обиды? — резко перебиваю. — Ты серьезно?

— Я не договорил, — строго одёргивает. Да так, что я ментально захлопываю рот. Раньше он никогда не разговаривал со мной в таком тоне. — Иначе пиши заявление об уходе и до свидания. На твоё место найдётся много желающих. Не менее умных и талантливых, чем ты.

Его слова меня парализуют. От возмущения быстро-быстро дышу.

— Знаешь, что? — шиплю. — Не ты меня нанимал, а Архипов! Так что не тебе меня увольнять.

— А я тебя не увольняю. Я смогу работать с тобой в одном коллективе. Я знал, что Архипов тебя переманивает, и у меня не было возражений на этот счет. Мне все равно, кто будет возглавлять отдел стратегического планирования: ты или кто-то другой. Мне главное, чтобы человек был компетентен. Если этот компетентный человек — ты, то я без проблем буду с тобой работать. А вот у тебя, кажется, есть какие-то проблемы с тем, чтобы работать со мной. Так вот если это действительно так, если у тебя все еще какие-то обиды на меня, и они мешают рабочему процессу, то или оставляй их на входе в компанию, или до свидания.

Стас произносит свой монолог тихо, но настолько твердо и строго, что лучше бы он орал. Я стою, будто ведром ледяной воды облитая.

Перевожу дыхание, чтобы успокоиться.

— А знаешь, — произношу через несколько секунд. —

Ты прав. Не нужно тянуть на работу личное. Я жду, что с твоей стороны тоже будет сугубо профессиональный подход. Надеюсь, ты больше не будешь донимать меня попытками объяснить, что тогда в отеле было не то, что я подумала.

— Я уже давно не хочу ничего тебе объяснять, Полина.

Вот как. Ну что ж, тем лучше.

— Замечательно.

— Можешь идти работать.

— Слушаюсь, Станислав Сергеевич, — делаю акцент на имени-отчестве.

— Можно просто Стас. У нас дружный коллектив и неформальная обстановка.

Неформальную обстановку я уже заметила по внешнему виду секретутки. Но вслух это не говорю.

Одариваю Стаса приторно-сладкой улыбкой и с гордой осанкой покидаю его кабинет. Как только закрываю за собой дверь, пулей устремляюсь на выход из приемной под недоуменный взгляд секретутки. В коридоре буквально лечу до своего кабинета. Там закрываюсь на замок, падаю в кресло, скачиваю с корпоративного сайта бланк заявления на увольнение и заполняю его. Закончив, распечатываю и ставлю ручкой подпись.

Смотрю на него. Читаю. Затем делаю глубокий вдох и шумный выдох.

Спокойно, Полина. Ты сильная. Ты сможешь.

Рву заявление и выбрасываю в мусорное ведро.

Глава 10. Как глыба льда

Только вечером дома мне удаётся прийти в себя от потрясения. Это оказалась лютая подстава, но что теперь сокрушаться? Если бы я знала, что Стас будет моим начальником, то морально подготовилась бы к встрече с ним, а так я оказалась застигнута врасплох.

Хотя кого я обманываю? Если бы я знала, что Стас будет моим начальником, то не согласилась бы на эту должность и осталась в Париже.

Но время не повернуть вспять: я здесь, в Москве, работаю под руководством бывшего жениха, измену которого не могу стереть из памяти уже пять лет. Может, мне было бы легче, если бы я забыла предательство и перешагнула через него. Вот только я не забыла и не перешагнула. В отличие от Стаса. Он, наверное, и не вспоминает, что когда-то признавался мне в любви, звал замуж, а потом изменил.

«Я уже давно ничего не хочу тебе объяснять, Полина».

Ну что же, мне не помешало бы поучиться у него безразличию.

Увольняться я точно не буду. У меня есть обязательства перед Архиповым: когда мы договаривались, я обещала, что подготовлю стратегию. Уволиться сейчас — это нарушить свое слово и испортить отношения с вице-президентом. Я не хочу. Так что придется существовать со Стасом.

Да и, может, не так уж и страшно работать с бывшим женихом? Мы не сидим в одном кабинете и вряд ли будем видеться каждый день, даже несмотря на то, что он мой непосредственный начальник. У меня есть план задач, который я обговорила с Архиповым. Нарботки по стратегии буду передавать Стасу через его секретутку или отправлять на почту, а ходить в его кабинет, только если сам позовёт. Пару раз в неделю мне придется встречаться со Стасом на общих совещаниях, но это будет в присутствии десятков других людей, так что переживу.

Говорить Стасу о дочери я по-прежнему не планирую. Не желаю лишний раз с ним контактировать и выяснять отношения. Он ведь однозначно предъявит претензии, почему не сказала о беременности. Не хочу его в нашей с Вероникой жизни.

К счастью, в резюме у меня стояло просто «не замужем», а в мой российский паспорт дочка не вписана, так как рожала я ее во Франции. Поэтому Стас не может о ней узнать.

С такими мыслями я иду на работу в свой второй рабочий день. Сегодня нужно лучше познакомиться с сотрудниками моего отдела. Побеседовав с каждым из них, выясняю, что половину привёл с собой с предыдущей работы Стас. Это нельзя сбрасывать со счетов. Значит, прямо у меня под носом сидят его доверенные лица и вполне возможно докладывают ему каждый мой шаг.

На обед я договорилась пойти с начальниками двух дру-

гих отделов нашего департамента — отдела прогнозирования и отдела инновационного развития. Нам придется работать в тесной связке. Ну и еще я хочу аккуратно расспросить их про Стаса, они ведь работают здесь дольше меня и уже наверняка имеют какие-то выводы о Войцеховском.

Отдел прогнозирования возглавляет девушка. Думаю, ей в районе тридцати пяти лет. У нее стильное платиновое каре до плеч и модные очки. Начальник отдела инновационного развития — молодой парень примерно моего возраста. Смахивает на ботаника. Худощав и тоже в очках, только старомодных.

— Лиза Еремеева, — представляется начальница отдела прогнозирования, когда я сажусь к ним за стол в столовой.

— Николай Светлов, — называет свое имя руководитель отдела инновационного развития.

— Полина Красникова, — говорю я.

— Как тебе у нас? — сходу спрашивает Лиза.

— Пока непонятно. Осваиваюсь.

— Не скучаешь по Франции?

— Скучаю, конечно. А вы давно здесь работаете? — решаю сразу перейти к интересующим меня вопросам.

— Я семь лет, — отвечает Лиза.

Понятно, значит, она была назначена изнутри, а не взята со стороны.

— Я пришел вместе со Стасом два месяца назад, — говорит Коля.

А вот это уже интересно.

— Ты работал с ним раньше? — спрашиваю как будто между прочим. Отправляю в рот кусочек жареного мяса.

— Да, мы уже три года вместе работаем. Когда Стаса позвали сюда, он предложил мне перейти с ним. Должность выше, условия лучше. Я согласился.

— А чем Стас занимался раньше?

— Он был начальником отдела инновационного развития, а я был его замом. Потом Архипов позвал его сюда директором департамента.

— Надо сказать, переманить Стаса было сложно, — вставляет Лиза. — У него были заоблачные требования. И я не про зарплату.

— А про что?

— Ему что-то не нравилось в нашем штатном расписании. Он сказал, что перейдёт, если переделают. А у нас такая страшная бюрократия, — Лиза закатывает глаза. — С миллионом начальников надо согласовать, чтобы переделать штатку. И для Стаса переделывали. Поэтому в отделе кадров его недолюбливают.

Ну надо же, какой Стас, оказывается, востребованный специалист! Прямо все его хотелки выполнили. Может, и я могла что-то еще потребовать у Архипова за свой переход? Эх, не догадалась. Обрадовалась тому, что он сам предложил.

Николай в курсе «заоблачных требований» Стаса. Такой

вывод я делаю по тому, как он уткнулся в тарелку и старательно жевал во время рассказа Лизы. Коля отрывает голову, только когда рядом с нами цокает на шпильках секретутка Стаса.

— Юль, привет! — тут же кричит ей.

Секретутка оборачивается на голос и машет рукой. Садится за столик к трём другим девушкам. Сегодня на ней чёрное платье почти до колен. Оно, как и вчерашняя юбка-карандаш, на пару размеров меньше нужного, поэтому округлая задница и большие сиськи отлично видны.

— А Юля давно работает у Стаса?

Наверное, мне не следует задавать такой вопрос. И вообще, это не мое дело. Но я не могу удержаться.

— Давно. Стас забрал ее с предыдущей работы, — отвечает Коля.

Я застываю с поднесённой ко рту вилкой. Забрал секретутку с собой? При переходе с работы на работу с собой забирают только самых лучших сотрудников! А в ней что такого лучшего?

Снова смотрю на секретутку. Интересно, у нее натуральная грудь? Готова поспорить: силиконовая. И вся она — искусственно-кукольная. Зачем Стас ее держит? Впрочем, может она ему хорошо сос... варит вкусный кофе.

От этой мысли почему-то в груди зарождается щемящее чувство, а перед глазами снова встает измена.

По итогам обеда делаю вывод, что с Колей надо быть осто-

рожнее. Он человек Стаса. А вот с Лизой можно сблизиться. Она знает все внутренние сплетни.

Рабочий день подходит к концу, сегодня я наконец-то увижусь с Алексеем. Мы договорились поужинать. Немного волнуясь. По сути это будет наше первое нормальное свидание. Черт его знает, что получится из этих отношений. Для меня важно, чтобы дочь приняла моего мужчину. Может, я не права, но понимаю: не смогу состоять в отношениях с человеком, который не понравится Веронике.

Тема отца до сих пор болезненна для дочери. Она загадывает папу на день рождения и Новый год, с завистью смотрит на детей с папами в парках и на улице. Мое сердце каждый раз обливается кровью. А сейчас, когда я встретила ее отца, особенно. Но я не буду говорить Стасу о дочери, не хочу его в нашей жизни. Лучше попробую построить отношения с Лешей.

Мне приходится задержаться на полтора часа после окончания рабочего дня. Алексей уже ждёт у входа в компанию, поэтому тороплюсь. Прохожусь расческой по волосам, подкрашиваю губы и бегу к лифту. Когда нажимаю кнопку вызова, слышу за спиной неторопливые шаги.

И я узнаю эти шаги. Боже мой, спустя пять лет, я могу узнать его по шагам, мне даже не нужно для этого оборачиваться! В груди зарождается волнение. Ох, это ж надо было так попасть! Почему я не вышла на пять минут раньше или на пять минут позже? Так радовалась, что не встречала се-

годня Стаса, и вот на тебе.

Он останавливается рядом.

— Привет, — здоровается первый.

— Привет.

Лифт открывается, и мы заходим. Стас нажимает кнопку первого этажа. Как только двери закрываются, отрезая нас от внешнего мира, я сразу натягиваюсь как струна.

Лифт большой, просторный, но мне тесно. Кажется, что Стас заполнил собой все пространство. Он везде. Нос улавливает его запах. Такой же, как и пять лет назад. Память-предательница сразу подкидывает воспоминания радостных дней: наши свидания, наши ночи, когда я вдыхала аромат любимого мужчины полной грудью и чувствовала себя счастливой.

«Полина, я люблю тебя»

«Хочу засыпать с тобой каждую ночь. Переедешь ко мне?»

«Я счастлив с тобой, как никогда»

«Ты выйдешь за меня замуж?»

«Тебя одну хочу. На всю жизнь тебя одну»

Как он мог мне изменить после таких слов, признаний? Как??

А сейчас стоит в паре десятков сантиметров от меня — бесчувственный, безразличный и холодный, как глыба льда. Интересно, о чем он думает? Неужели забыл все, что между нами было?

В горле встает ком обиды.

Наконец-то лифт останавливается на первом этаже. Как только двери открываются, я делаю стремительный шаг вперед. Стараюсь идти не очень быстро, чтобы не было похоже на побег, хотя это именно он и есть. Спиной, затылком, кожей чувствую его взгляд. Он пробирает до костей.

На улице делаю глубокий вдох осеннего воздуха. Взгляд сразу падает на Алексея. Он стоит, привалившись к крылу автомобиля, и держит в руках букет шикарных алых роз. Губы растягиваются в улыбке.

— Привет, — подхожу к Алексею, все еще улыбаясь. — Извини, что задержалась.

— Все в порядке. Это тебе, — протягивает цветы.

Беру охапку и зарываюсь лицом в ароматные бутоны. Как давно мне никто не дарил цветы. Пять лет.

— Спасибо, очень красивые.

— Рад тебя видеть, — Леша опускает руку мне на талию и слегка притягивает к себе.

— И я рада.

Алексей нежно целует меня в щеку.

— Я ждал нашей встречи, — шепчет на ухо.

Смущенно закусываю губу.

— Поехали? Я забронировал столик в интересном ресторане.

— Да, поехали.

Алексей открывает мне переднюю пассажирскую дверь. Я

поворачиваюсь, чтобы залезть в салон, как вдруг встречаюсь взглядом со Стасом.

Внутри все обмирает.

Он стоит у автомобиля и смотрит ровно в нашу с Лешей сторону. И даже не отворачивается, когда я его на этом ловлю.

Глава 11. Точки над «И»

Минут десять в машине Алексея по дороге в ресторан я не могу прийти в себя. Леша о чем-то говорит, а я его не слышу. Меня колотит. Словно заевшая пластинка, в голове прокручивается наша со Стасом встреча взглядов. Он смотрел на меня и Алексея, не стесняясь. Даже не отвернулся, когда поймала его на этом. Наверняка видел, как Лёша подарил мне букет, обнял за талию, поцеловал в щеку.

Почему я чувствую себя так, будто Стас поймал меня на месте преступления? Рабочий день закончился полтора часа назад, я могу делать, что хочу. Моего начальника это не должно волновать. И меня тоже не должно волновать, что подумает мой начальник.

Вот только меня волнует. Меня, черт возьми, волнует, что Стас подумал. Но в его голову невозможно залезть.

— Приехали, — объявляет Алексей, паркуясь у какого-то ресторана в центре.

Судя по названию на вывеске, это испанский ресторан. Как-то раз я говорила, что люблю средиземноморскую кухню. Надо же, Леша запомнил. Похвально.

В заведении нас встречает улыбчивый администратор и провожает к столику у панорамного окна.

— Ты как будто бы сама не своя, — Алексей замечает мое нервное состояние.

— Новая работа, всего второй рабочий день... Переживаю сильно.

— Как тебе здесь?

— Не знаю, пока не поняла. Наверное, это с непривычки.

— Как новое начальство?

Леша спрашивает без какого-либо подтекста, но наступает на самую болезненную мозоль. Опять перед глазами Стас. Наша минута в лифте была мучительно долгой. Бывший жених давил меня мощной энергетикой. Он казался таким большим и сильным, а я такой маленькой и слабой. Уязвимой.

Почему-то рядом со Стасом я очень уязвима.

— Вроде нормально, — пожимаю плечами.

— Скучаешь по Франции?

— Если честно, да. Я пять лет не приезжала в Россию. Мне до сих пор непривычно видеть надписи на русском языке и повсюду слышать русскую речь. И дочка скучает по Парижу и своим друзьям. Я уже отдала ее в садик, ей там не нравится.

На прошлой неделе Вероника первый раз пошла в Москве в частный сад. Не успела мама ее отвести, как через двадцать минут позвонила воспитательница и сказала, что у дочки истерика. Маме пришлось возвращаться и забирать Веронику домой. Теперь каждое утро у нас квест — уговорить дочку пойти в сад. Ей там не нравится, и она хочет назад в Париж к своим друзьям.

Я перевожу разговор на работу Алексея. У него новые клиент — производитель детского питания из Нидерландов.

Вчера Леша вернулся из Амстердама, где обсуждал рекламную кампанию детской смеси.

Алексей очень словоохотлив — это залог успеха любого маркетолога. Помню, как он был убедителен на совещании с моим французским руководством. С первой встречи заставил французов подписать с ним рекламный контракт. Но и работу свою Леша делает хорошо. Благодаря его рекламной кампании, популярность французских заправок резко выросла.

Леша мне искренне симпатичен. Он на два года старше, умён, амбициозен и с чувством юмора полный порядок. У Алексея слегка отросшие темные волосы, спортивное телосложение. Я бы хотела попробовать с ним нормальные отношения, но все упирается в Веронику. Я не смогу быть с мужчиной, которого не примет моя дочь.

Или я слишком заморачиваюсь. Отвыкла от романов, отношений, вот и боюсь. Это ведь первый раз после расставания со Стасом, когда я готова встречаться с мужчиной.

Стрелка часов показывает десять вечера. Мне пора домой, к дочке. Как бы много у меня ни было работы, а спать Веронику всегда укладываю я, а не мама. Я ложусь с ней в кровать, обнимаю, и мы разговариваем, пока дочка не засыпает. Это только наше с ней время.

Алексей везёт меня домой. Я сняла трехкомнатную квартиру возле родителей, чтобы мама могла приходить. Хочу уже нанять Веронике няню, чтобы родительница наконец от-

дохнула. Постепенно буду искать недвижимость для покупки. Сразу после Парижа некогда было этим заниматься, надо было выходить на новую работу, поэтому я решила снять жилье. Жить со своими родителями я не захотела: у них маленькая квартира, да и пора мне почти в тридцать лет отделяться от мамы.

Алексей глушит мотор у моего подъезда и поворачивается ко мне. В темноте салона его глаза игриво блестят. Я вдруг начинаю чувствовать себя неопытной школьницей, которая впервые оказалась наедине с симпатичным одноклассником. Ни с того ни с сего окутывает смущение: нервно тереблю ремешок сумки и прячу взгляд.

— Мне очень понравился сегодняшний вечер, — многозначительно говорит.

— Мне тоже. Спасибо большое за цветы, они прекрасны. Розы и правда благоухают на весь салон автомобиля.

— Какие у тебя планы на выходные?

— Никаких, буду с дочкой.

— Тебе есть с кем ее оставить? Я закончил ремонт на даче, там теперь бассейн, финская сауна...

Дальше можно не слушать, намёк понятен. В предложении Алексея нет ничего предосудительного, только меня почему-то задевают его слова оставить с кем-то Веронику. Может, он не имел в виду ничего такого, но мне неприятно. Как будто моя дочь лишняя.

А еще я неожиданно понимаю, что не готова вот так сразу

переходить к новой фазе отношений. Да, мы знакомы около полугода, но наше общение было по телефону и больше дружеское. Сейчас мы съездили на ужин, который можно назвать полноценным свиданием, но оно было только одно!

— Леш, я... — и замолкаю, не зная, как продолжить.

— Что?

— Так как я много работаю, то каждую свободную минуту стараюсь проводить с ребенком. В Париже у меня почти не было полностью свободных выходных. В Москве скорее всего тоже не будет. Я не могу оставить дочку на два дня и уехать.

— Тебе не с кем?

— Нет, мне есть с кем. Моя мама всегда за ней присмотрит, но я не хочу. Я слишком много работаю и слишком мало времени провожу с ребенком. Я не готова уехать от Вероники на все выходные.

Возникает пауза. По лицу Леша видно, что он немного растерян из-за моего ответа. Я жду, что он предложит взять Веронику с собой. Но Алексей молчит.

— Ладно, я тебя понял, — наконец изрекает. Старается произнести обычным голосом, но я улавливаю нотки разочарования. — Как тогда поступим? Сможешь хотя бы выбраться на полдня в субботу? Пообедаем вместе, потом заедем ко мне.

Хочется спросить: заедем к тебе, чтобы что? Переспать? Умом понимаю: в желании Алексея нет ничего предосу-

дительного, мы взрослые люди. Но почему-то обидно.

— Леш, я буду с тобой честна. Мой ребенок для меня на первом месте. Сначала Вероника, потом все остальное. Поэтому для меня очень важно, как дочь воспримет мужчину, с которым я буду состоять в отношениях.

Алексей прищуривается, пытаясь понять, что я имею в виду. А я решаю, что лучше сначала познакомить Алексея с Вероникой, и если дочка одобрит мой выбор, начинать серьезные отношения.

Может, я не права и не следует так быстро знакомить своего ребенка с Лешей. Не знаю. Но мне важно благословение дочери. Иначе не смогу спокойно строить отношения.

— Ты хочешь, чтобы я познакомился с твоим ребенком?
— догадывается.

— Да, для меня это очень важно.

— Так бы сразу и сказала, — охотно соглашается, что меня приятно удивляет. — Когда?

— Можно на этих выходных.

— Хорошо. Сходим куда-нибудь? Боулинг? Атракционы? Извини, я не знаю, куда обычно водят детей.

— Я думаю, ты мог бы приехать к нам в гости в субботу. Я приготовлю ужин.

— Да, конечно.

Мне не верится, что все оказалось так просто, что Алексей без раздумий согласился на мои условия. Неужели нет подвоха?

— Только я тоже буду с тобой честен, — неожиданно говорит.

А вот он и подвох, подсказывает интуиция.

— Слушаю, — инстинктивно напрягаюсь.

— Я пока не готов к созданию семьи. Ты мне очень нравишься, я хотел бы с тобой отношений, но жениться в мои планы не входит. Возможно, однажды это изменится. Но сейчас я не собираюсь связывать себя узами брака. В данный момент у меня в приоритете работа.

Его слова ввергают меня в ступор. Даже не знаю, как реагировать.

— Я разве говорила, что хочу за тебя замуж? — отмираю через несколько секунд.

— Нет, я предупреждаю на всякий случай, чтобы потом не было недопонимания. Ну, раз уж мы расставляем все точки над «и» на самом старте.

— Я пока тоже не готова связывать себя узами брака, я слишком плохо тебя знаю, — это все, что я нахожусь сказать.

Почему-то чувствую себя по-идиотски. Хотя, казалось бы, ничего такого не произошло. Я точно не просилась замуж за Лешу и даже не думала о нем в контексте своего возможного супруга.

— Тогда до субботы? Что привезти твоей дочке? У нее есть особые предпочтения?

— Она любит машинки, — выпаливаю на автомате, все еще находясь в замешательстве.

— Машинки? — удивляется. — Не куклы?

— Нет, Вероника не играет в куклы.

— Почему?

— Потому что она вся в своего отца.

От кого я родила ребенка и почему я не вместе с этим мужчиной, Алексей никогда не спрашивала, а сама я не рассказывала. Сейчас я читаю в его лице любопытство.

— Отец Вероники был автогонщиком, — поясняю.

А теперь нефтяник. Это вслух не добавляю.

— Ну что ж, машинки так машинки. Тогда до встречи в субботу.

— До встречи.

Понимаю, что если задержусь хотя бы на одну лишнюю секунду, мы поцелуемся. Почему-то я этого в данный момент не хочу. Беру с заднего сиденья розы и, на прощанье улыбнувшись, выхожу из машины.

Глава 12. Моя самая любимая

Разговор с Алексеем в машине оставил на душе гадкое чувство. Я то и дело прокручивала в голове его слова:

«Я пока не готов к созданию семьи. Ты мне очень нравишься, я хотел бы с тобой отношений, но жениться в мои планы не входит».

Я не понимаю, зачем он мне это сказал. Я разве просилась замуж? Я вообще об этом не думаю. Все, что я хочу, — это попробовать нормальные отношения с мужчиной. Я ни с кем не встречалась с тех пор, как рассталась со Стасом. Я не знаю, выйду я замуж или не выйду, рожу еще или не рожу. Но я просто хочу отношений. Хочу любить и чтобы меня любили.

На работу я прихожу без настроения. План стратегии я отнесла Стасу в приемную вчера в четыре часа дня, обратной связи до сих пор нет. Мне бы спросить напрямую, посмотрел ли он документ, но не хочу лишний раз с ним контактировать. Сам позовёт, когда посчитает нужным.

Тоска охватывает меня все больше и больше, как вдруг раздается звонок мобильного телефона. На экране загорается «Алексей». С легким волнением поднимаю трубку:

— Алло.

— Привет! Не отвлекаю?

— Привет, нет, все в порядке.

Слышу, как Леша переводит дыхание.

— Я по поводу вчерашнего разговора в машине. Мне кажется, ты не совсем меня поняла. Ну или я не так объяснил. Волнение усиливается.

— Что именно?

— Мне показалось, что ты подумала, будто бы я не серьезно к тебе отношусь. Это не так.

Именно так я и подумала. Но не в машине, а потом, дома, когда мысленно возвращалась к нашему разговору.

— Прости, я действительно не очень поняла, к чему ты стал говорить про брак.

— Полин, ты мне очень нравишься. Я хочу с тобой встречаться. Когда я говорю «встречаться», я имею в виду обычные моногамные отношения двух взрослых людей, которым хорошо и комфортно вместе.

— Ты удивишься, но я тоже хочу обычных моногамных отношений. Поэтому и предложила познакомиться с дочерью. Если я буду серьезно встречаться с женщиной, мне важно, чтобы Вероника нормально это воспринимала.

— Я прекрасно это понимаю и с радостью познакомлюсь с твоей дочкой. Просто мои предыдущие отношения заканчивались из-за того, что по прошествии времени мои девушки хотели замуж. Им казалось логичным, что если мы встречаемся больше года, то надо жениться. Вот к такому я не готов и честно об этом говорю. Своим бывшим девушкам я заранее это не объявлял, а потому в итоге оказывался козлом, кото-

рый морочил голову. Не хочу больше быть козлом, поэтому сразу обозначаю свою позицию насчёт штампа в паспорте.

Опускаюсь лбом на прохладный деревянный стол. Отчего-то ужасно заболела голова.

— Леш, я тоже хочу просто отношений. Я не знаю, выйду ли я когда-нибудь замуж и будут ли у меня еще дети. Я вообще об этом не думаю. Я просто хочу, чтобы был человек, с которым мне будет хорошо и которому будет хорошо со мной. Ты мне нравишься, и мне кажется, что у нас могли бы получиться именно такие отношения — комфортные для обоих, моногамные и без измен.

— Я категорически против измен! — резко заявляет. — Если что, я никогда никому не изменял.

— Я тоже никогда никому не изменяла.

— Ну так что? Ты не держишь на меня зла?

Улыбаюсь.

— За что мне на тебя злиться?

— За мою честность.

— Нет, не злюсь. Все в порядке.

— Тогда до субботы?

— Да, до субботы.

Кладу трубку и перевожу дыхание. После разговора с Алексеем стало легче. А то действительно получилось недопонимание.

Нет, о замужестве я точно не думаю. Ни с Алексеем, ни с каким-то другим мужчиной. Я уже однажды собиралась за-

муж, примеряла кольцо, выбирала свадебное платье... А потом больно разбилась об измену жениха. Я не хочу повторять это снова. Да и семью обычно создают для того, чтобы родить детей, а у меня уже есть ребенок. Братика или сестричку Вероника, к счастью, не просит.

Через пару часов мне звонят с ресепшена на первом этаже и сообщают, что меня ждет курьер. Слегка удивившись, спускаюсь вниз и действительно вижу курьера с огромным букетом пионовидных роз.

— Распишитесь, — подаёт мне бумагу и ручку.

В изумлении ставлю подпись и беру цветы. В ароматных бутонах нахожу записку:

«С нетерпением жду встречи в субботу.

Алексей»

Лицо расплывается в широкой улыбке до ушей. Настроение моментально улучшается, а на душе появляется легкость. Все хорошо. У нас с Лешей обязательно все получится, а штамп в паспорте мне не принципиален.

Летящей походкой направляюсь к лифту. Пока еду на свой седьмой этаж, зарываюсь лицом в цветы и вдыхаю умопомрачительный аромат. Надо попросить у кого-нибудь вазу. Поставлю букет на рабочий стол и буду любоваться.

По дороге в свой кабинет сталкиваюсь с Лизой Еремеевой, начальницей отдела прогнозирования.

— Вау! Какие роскошные цветы, — отвечает комплимент.

— Да, я сама в восторге.

— От кого, если не секрет?

— От моего мужчины, — произношу без тени сомнения.

Да, я хочу называть Алексея своим мужчиной.

— Ооо, какой молодец! Обедать пойдёшь?

— Чуть попозже. А ты уже сейчас идёшь?

— Да, мы с Колей собирались. А ты получила приглашение на двадцатилетие компании?

Ответить я не успеваю, потому что открываются двери лифта и стремительно выходит Стас. Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять: злой, как черт. Улыбающаяся во все тридцать два Лиза тут же становится серьезной и вжимает голову в плечи.

Он надвигается, как гроза.

— Красникова, немедленно ко мне в кабинет, — рывкает, пролетая мимо и даже не удостоивая меня взглядом.

Растерянно переглядываюсь с Лизой.

— Ты что такого успела натворить, что так его разозлила?
— шепчет.

— Не знаю...

Стас уже скрылся в своей приемной. Понимаю, что мне лучше не заставлять его ждать. С колотящимся сердцем бегу по коридору так быстро, как позволяют каблуки. В приемной пробегаю мимо секретутки, даже не обратив внимание, как она сегодня одета. С глубоким вдохом открываю дверь кабинета и захожу.

Стас снимает пальто и бросает его на кожаный диван для гостей, падает в свое кресло и глядит на меня разъяренным взглядом.

— Почему ты вчера не отвечала на мои звонки?

— А ты мне звонил?

— Да, раз десять.

Недоуменно хлопаю глазами.

— Когда?

— В промежутке между десятью и двенадцатью ночи.

Продолжаю оторопело глядеть на перекошенного от злости Стаса. У меня не было пропущенных от него...

И меня осеняет.

Черт...

Закусив губу и виновато опустив лицо к букету, тихо произношу:

— Я забыла достать твой номер из чёрного списка. Извини.

Воцаряется молчание. В идеальной тишине кабинета слышно, как тяжело дышит Стас.

— Полина, — вкрадчиво начинает тихим голосом. — Я тебе говорил в твой первый рабочий день: или оставляй личные обиды на входе в компанию, или...

— Я просто забыла это сделать, — перебиваю. — Я не специально продолжаю держать тебя в чёрном списке, чтобы ты не звонил. Ну выскочило у меня из головы разблокировать твой номер. Извини, пожалуйста.

— Я позвал тебя не для того, чтобы ты передо мной извинялась.

— А для чего?

— Чтобы сказать, что ты всегда должна быть на связи.

— Я всегда на связи.

— Вчера вечером ты на связи не была.

— Я уже объяснила, почему. Я обязательно разблокирую твой номер. И можно теперь поинтересоваться, зачем начальник звонил мне аж в двенадцать ночи, если рабочий день до шести вечера?

Это похоже на издевательство. Стас ведь вчера прекрасно видел, что я ушла с работы не одна. За мной заезжал Алексей. Не трудно догадаться, что вечером у меня были дела личного характера.

— Я посмотрел план стратегии, который ты оставляла у Юли, и хотел обсудить его с тобой.

— В двенадцать ночи?

— Да, а что тебя смущает?

— А ничего, что в двенадцать ночи я могу спать? Или у меня может быть личная жизнь?

Последний вопрос выпаливаю быстрее, чем успеваю подумать. В кабинете снова воцаряется тишина. Стас с каменной физиономией впился в меня глазами. Челюсть плотно сомкнута, быстро вздымающиеся крылья носа выдают его злость. Воздух накаляется. Скоро полетят искры.

Даже не помню, видела ли я когда-нибудь Стаса таким

злым, как сейчас. Мне кажется, нет.

— Ты должна отвечать на мои звонки в любое время дня и ночи, — изрекает после долгой паузы.

— Я буду отвечать на звонки начальника в любое время дня и ночи, обещаю. Но справедливости ради, я отдала Юле план стратегии в четыре часа! Это за два часа до конца рабочего дня. И еще на полтора часа я вчера задержалась. Ты это помнишь, потому что мы ехали вместе в лифте. Почему нельзя было обсудить план в это время?

— Когда у меня дошли руки его посмотреть, тогда я и решил его обсудить.

Хочется спросить: а у тебя личной жизни нет, что ли? Тебе не с кем провести время в двенадцать ночи? Надо в это время смотреть план и звонить мне?

А что если... Стас одинок? Ну, в смысле у него нет серьезных отношений, девушки, с которой можно коротать время в двенадцать ночи. Почему-то эта мысль вызывает волнение в сердце.

Не мое дело, я не должна об этом думать.

— Мы можем обсудить план сейчас? — спрашиваю.

— Да, садись, — указывает на стол для переговоров.

Я забежала в кабинет Стаса с букетом в руках. Сейчас он ощущается особенно лишним. Но проситься выйти, чтобы поставить цветы в вазу, я не решаюсь. Поэтому сажусь за стол, а букет кладу рядом. Чувствую себя ужасно неловко. Стас поднимается со своего кресла и садится за стол напро-

тив меня. Задерживает взор на цветах, но никак не комментирует.

Без лишних прелюдий Стас приступает сразу к делу. Подробно проходится по каждому пункту плана, комментирует, задаёт вопросы, высказывает свои пожелания. Он не разносит в пух и прах мои идеи, однако мне все равно приходится их защищать. Где-то Стас со мной соглашается, где-то велит переделать.

Мы сидим долго, не меньше двух часов. Периодически Стас звонит по внутреннему телефону коллегам из других департаментов, что-то уточняет у них для стратегии или просит прислать нужную информацию на почту.

В какой-то момент я понимаю, что у меня в голове диссонанс. Передо мной не тот Стас, которого я помню. Парень из моей беззаботной юности был весельчаком и душой компании, ездил на спортивном автомобиле, участвовал в автогонках и слышать не хотел о том, чтобы променять свою гоночную «Феррари» на работу в офисе.

А Стас, который сейчас передо мной, — это деловой мужчина, отлично владеющий предметом своей работы. Его костюм идеально отглажен, белоснежная рубашка, готова поспорить, сияет в темноте. Все, что он говорит, — четко и по делу.

Как он так изменился? Почему решил бросить гонки?

А еще мне очень интересно, что с ним произошло тогда в аэропорту? Арестовали? Осудили?

Последнее вряд ли. С судимостью его бы не взяли сюда работать. Но сцена в аэропорту, когда Стас за мной бежал, а его пытались остановить, вдруг ярко встает перед глазами.

Когда бывший жених листает документы или говорит по внутреннему телефону, я украдкой рассматриваю его. Нахожу их с Вероникой общие черты и чувствую, как в груди больно щемит.

Правильно ли я делаю, что продолжаю скрывать от дочери ее отца? И сам Стас даже не подозревает, что у него уже четыре года, как есть ребенок...

Не хочу об этом думать.

— Тогда к следующему понедельнику переделай, как мы сейчас с тобой обсудили, — голос Стаса возвращает меня из мыслей о дочке.

— Хорошо, — собираю бумаги на столе.

— И разблокируй мой номер.

— Да, сделаю это прямо сейчас при тебе.

Убрав документы в папку, достаю из кармана пиджака телефон.

— Скажи, пожалуйста, свой номер. Я его тогда сначала заблокировала, а потом удалила.

С тяжелым вздохом Стас диктует цифры. Я сохраняю номер под именем «Станислав Войцеховский» и вытаскиваю его из бана.

— Вроде получилось. Давай я тебе сейчас позвоню, а потом ты мне.

— Я тебя в чёрные списки не добавлял.

— Все равно надо проверить, чтобы все работало.

Нажимаю кнопку вызова. Айфон Стаса на столе начинает вибрировать. Непроизвольно бросаю взгляд на экран и, обомлев, перестаю дышать.

Я записана у него, как и пять лет назад: «Моя самая любимая».

Глава 13. Цветы

Стас видит, куда направлен мой взгляд, и быстро сбрасывает вызов. Пока я все еще нахожусь в шоке, звонит мне.

— Будь теперь всегда на связи, — говорит, отключая звонок. — Можешь идти.

— Почему я до сих пор так у тебя записана? — спрашиваю, пожалуй, излишне резко. С начальниками так не разговаривают.

— Не успел переименовать, — его тон безразличен и сух.

— Не успел за пять лет?

— Не успел со вчерашнего вечера.

— А пять лет ты чем был занят, что не успел?

— Пять лет я тебе не звонил и вообще забыл, что в моей записной книжке есть твой телефон.

Стас говорит небрежно, словно то, как я у него записана, не имеет никакого значения. А меня пробирает дрожь впоремешку с возмущением.

— Переименуй меня, — не прошу, а приказываю.

— Переименую, — произносит все так же небрежно, глядя куда-то в бумаги.

— Сейчас при мне.

Мой приказной тон заставляет Стаса поднять глаза. Секунду смотрит, а потом откидывается на спинку стула, скрестив руки.

— Столько лет прошло, а тебе до сих пор важно, как ты у меня записана.

Я понимаю намёк. Когда-то в самом начале отношений я обиделась на Стаса за то, что была записана в его телефоне «Полина бар». Потому что мы познакомились в баре. Мне показалось оскорбительным, что я — его девушка — записана наравне с «Сергея гараж» и «Вован гонки». Тогда же после моего скандала Стас и переименовал меня в «Моя самая любимая».

— Держать бывшую под именем «Моя самая любимая», как минимум, нечестно по отношению к новой девушке. Впрочем, что ты знаешь о честности?

Стас издаёт смешок. Да ему весело.

— Прости, не понял, по отношению к какой новой девушке?

— Не знаю, к какой-нибудь. У тебя же были отношения в течение этих лет.

— У меня не было отношений, — произносит неожиданно серьезно.

Застываю на месте.

— Если тебе интересно, Полина, то у меня не было серьезных отношений.

В горле пересыхает.

— Мне неинтересно, — бормочу, глядя куда угодно, но только не на него. — Запиши меня, пожалуйста, по имени и фамилии. Я пошла работать, — беру в руки папку с бумага-

ми, букет и поднимаюсь со стула.

— От кого цветы? — вдруг интересуется.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я твой начальник.

— И что? Это не даёт тебе права задавать мне такой вопрос.

— Ошибаешься. Ты получила на рабочем месте подарок, стоимость которого превышает три тысячи рублей. Мне продолжать?

Уже который раз за этот гребанный день я от неожиданности прирастаю к одной точке и не могу пошевелиться. Намёк снова понятен.

— Тебя разве не проинформировали, что на работе нельзя принимать подарки дороже трёх тысяч рублей? А этот букет явно дороже.

— Я получила цветы не от партнеров или контрагентов компании. Это подарок личного характера.

— Не имеет значения. Ты получила его на работе.

Медленно выдыхаю, стараясь не взорваться. Вот чего он докопался?

— Ладно, — капитулирую. — И что мне теперь делать? Писать заявление об уходе, пока меня не обвинили в коррупции на рабочем месте?

— Нет, зачем? Согласно правилам компании, ты должна проинформировать департамент управления делами о том, что тебе на работу пришел подарок. Его у тебя изымут и в

течение трёх месяцев проведут независимую оценку. Если будет установлено, что подарок дешевле трёх тысяч рублей, тебе его отдадут. Если же подарок дороже трёх тысяч рублей, его вернут тому, кто тебе прислал. Если вернуть обратно невозможно, тогда утилизируют.

— То есть, каждый раз, когда мой мужчина, будет присылать мне на работу цветы, я должна буду дарить их департаменту управления делами, я верно поняла?

Словосочетание «мой мужчина» я произношу с особенным удовольствием, внимательно глядя в лицо Стаса. Ни один его мускул не дергается. Человек-скала. Непоколебим.

— Не дарить, а передавать на независимую оценку, — поправляет, снисходительно улыбаясь. Так бы и заехала ему пощечиной, чтобы стереть эту мерзкую победоносную улыбку. — И если независимая оценка установит, что подарок дороже трёх тысяч рублей, то да, его вернут твоему мужчине курьером компании. Сразу сообщи департаменту управделами адрес, куда возвращать.

Я уже представила лицо Леша, когда через три месяца ему вернётся сухой и завядший букет. И как я ему это объясню?

— Я выброшу цветы, — цежу.

— У Юли в приемной есть большое ведро.

Господи, дай мне сил соблюсти субординацию с начальником.

Молча разворачиваюсь и направляюсь к выходу из кабинета, затылком чувствуя взгляд Стаса. Когда берусь за дверь

ную ручку, он произносит то, что заставляет меня оцепенеть:

— Я подарю тебе новые цветы.

Несколько секунд стою, не шевелясь, думая, что мне слышалось.

Не слышалось.

— Только попробуй — и я обвиню тебя в харассменте на работе, — отвечаю, не оборачиваясь, и стремительно выхожу.

Секретутка сидит на столе и подпиливает ногти. Поднимает на меня взор и, видимо, не посчитав меня интересной, опускает его обратно к маникюру.

— Станислав Сергеевич сказал, у тебя есть большое мусорное ведро.

Снова поднимает на меня глаза. На этот раз удивленно.

— Что нужно выбросить?

— Этот букет.

Секретутка изумляется еще больше.

— Зачем? Он же совсем свежий.

Для секретутки она задаёт слишком много вопросов.

— Станислав Сергеевич сказал, что на работе нельзя принимать подарки дороже трёх тысяч рублей.

— Да это никто не соблюдает. Ну ты только к нам устроилась, понятно, что боишься. Вон там ведро, у принтера, — указывает в угол.

Со вздохом сожаления выбрасываю шикарный букет от Алексея и иду работать.

А вечером мне звонит мама и сообщает, что курьер принес в квартиру родителей цветы на мое имя. Сто одну розу. Записка гласит:

«Рискуя быть обвиненным в харассменте, я все равно хочу подарить тебе цветы».

Глава 14. Знакомство

Приближается суббота — день, когда Алексей должен познакомиться с Вероникой. Я немного нервничаю. Для меня очень важно, как пройдет их встреча, как дочь примет Лешу. Строить отношения с мужчиной, который категорически не нравится моему ребенку, я скорее всего не смогу. Так что лучше получить одобрение дочери на старте, пока я не успела влюбиться в Алексея и привыкнуть к нему.

Леша приезжает в субботу ровно в шесть, как я и просила. Заходит в квартиру с двумя букетами для меня и мамы, а также с большим игрушечным автомобилем-трансформером для Вероники.

— Ника, познакомься, это мой новый друг дядя Леша, — с волнением представляю его дочери.

— Привет, это тебе, — Алексей опускается на корточки и вручает Нике большую коробку.

— Спасибо, — завороченно выдыхает и принимает подарок.

Далее Ника теряет к Алексею интерес. Дочке не терпится поиграть новой игрушкой. Не могу понять, хорошо это или плохо. Я рассчитывала, что они хотя бы пообщаются, но знакомства как такового не состоялось, поскольку Веронике оказался побоку «мамин друг».

Убеждаю себя, что это хорошо. Было бы гораздо хуже, ес-

ли бы Ника враждебно восприняла появление у меня некоего приятеля. А так она быстро съела курицу с салатом и убежала в свою комнату.

Остались я, Леша и мама. Надо было и папу позвать для полного комплекта, вдруг подумалось. Наш ужин из знакомства с ребенком превратился в знакомство с родителями.

— Алексей, значит, у вас серьёзные намерения по отношению к моей дочери, — заявляет мама, когда мы остаёмся втроем.

Все-таки шампанское было лишним.

— Именно так, Нина Васильевна.

— Только я не поняла, вы разве работаете вместе?

— Нет, мы с Полиной работаем в разных сферах. У меня своя маркетинговая компания.

— Тогда к чему в вашей записке было сказано про харасмент?

— В какой записке?

Кровь отливает от моего лица. Мама не знает, что Стас мой начальник. От греха подальше я решила ей не рассказывать. И мать подумала, что тот букет роз был от Леша. Еще удивилась, почему он прислал его в квартиру родителей, а не в мою съемную.

А Стас ведь не знает, где я сейчас живу, поэтому отправил курьера к родителям. Кстати, странно, что он до сих пор помнит адрес.

— Мама, ты о чем? — изображаю удивление и бью роди-

тельницу ногой под столом.

— Ой... — быстро находится. — Представляете, на днях курьер ошибся дверью и доставил цветы не соседке, а нам. В записке было написано: «Можешь обвинить меня в харасменте — я все равно тебя люблю». Или что-то такое. Ну мне-то никто не может прислать цветы с такой запиской, я на пенсии и тридцать лет замужем. Подумала, что Полине пришли. А потом выяснилось, что это курьер ошибся дверью. Вот смешно было.

Алексей смеется, а я незаметно убираю от мамы ее бокал с недопитым шампанским и на всякий случай еще раз пихаю ее ногой под столом. Остаток вечера у нас проходит за непринужденной дружеской беседой. В девять часов я иду провожать Алексея до автомобиля.

— Спасибо тебе за этот вечер, — искренне благодарю.

— Кажется, твоя дочь осталась довольна.

— Да, ее покорила твой подарок.

Все оказалось настолько легко, что даже не верится. Вероника не выходила из своей комнаты, мы только слышали звук езды новой машинки.

— Я рад, что все пошло хорошо.

— И я рада.

Мы стоим слишком близко, я немного нервничаю. Леша уверенно кладёт руки мне на талию и придвигает к себе еще ближе. Не успеваю ничего осознать, как он целует меня в губы. Сначала легко и едва ощутимо, затем сильнее. Через

несколько секунд поцелуй становится глубоким.

Не могу понять, что я чувствую. Кажется, ничего. Просто отвечаю на ласку губ Леша, не испытывая ни наслаждения, ни отвращения. Подумаешь, поцелуй. Только в висках пульсирует:

«Впервые после Стаса».

Неожиданное воспоминание о бывшем женихе заставляет меня обвить шею Леша и придвинуться к нему ещё плотнее. Убеждаю себя, что делаю это не назло Стасу, а потому что сама хочу. Мне ведь искренне нравится Алексей.

Вот только когда его рука съезжает с моей спины до ягодиц, я осторожно отстраняюсь.

— Я уже пойду, надо укладывать Веронику.

— Да, конечно. Когда мы теперь увидимся?

— Давай на неделе после работы.

— Давай.

— Спасибо за вечер.

— Это тебе спасибо за вкусный ужин. Ты прекрасно готовишь.

Смущенно улыбнувшись, я ухожу к подъезду. Пока поднимаюсь на лифте, прикасаюсь пальцами к губам, пытаюсь прислушаться к своим ощущениям. Удивительно, но их нет. Вообще никаких чувств поцелуй с Лешей во мне не вызвал.

В голову лезет воспоминание о первом поцелуе со Стасом. Мы поцеловались в тот же вечер, что и познакомились. Помню, тогда у меня внутри будто фейерверк запустился. Я

дрожала от наслаждения, с ума сходила в его объятиях.

Ну да ладно, мне было двадцать два года, что я тогда понимала? Встретила красивого парня на спортивной «Феррари» и забыла, как меня зовут. Сейчас я намного умнее.

— Поля, а от кого были те розы? — налетает на меня мама, как только я переступаю порог квартиры. — Я думала, от Алексея.

— Не от Алексея.

— А от кого?

Я отворачиваюсь, чтобы снять куртку и сапоги. Не хочу признаваться. Мама не знает, что Стас мой начальник.

— Не спрашивай.

— Там было что-то про харассмент. Это от кого-то с твоей работы? — догадывается.

— Да.

— Уж не от руководителя ли?

Вот не отстанет же, хоть я и просила не спрашивать.

— Да, от руководителя. Но он мне не нравится. Да и я ему тоже. Это он просто так пошутил. Ты же выбросила цветы, как я просила?

— Если честно, нет. Они такие красивые...

Фыркнув, иду в комнату дочки. Вероника уже в кроватке, но не спит, а ждет меня. Опускаюсь на пол рядом с дочкой и глажу ее по светлым длинным волосам. Любовь и нежность сразу же затапливают меня с головой. Для меня нет ничего важнее моей маленькой принцессы.

— Как тебе новая игрушка? — тихо спрашиваю.

— Понгхавилась.

Вероника не выговаривает русскую «р». Она произносит ее на французский лад. Надо найти дочери хорошего логопеда.

— А дядя Леша?

Я жду, что Ника скажет, что он тоже ей понравился, но вместо этого дочь лишь жмёт плечами.

— Что это значит? — не понимаю.

— Ну он же не папа.

Замираю, судорожно соображая, что говорить дальше.

— У вас с ним любовь? — спрашивает в лоб.

К такому вопросу от Вероники я готова не была. Открываю рот, чтобы что-то ответить, но не нахожусь. Захлопываю и молчу. Вероника пытливо на меня смотрит.

— Да, — наконец, изрекаю после очень долгой паузы. Обманывать ребенка смысла нет, раз он сам это спрашивает.

Глаза дочери вмиг становятся грустными.

— А как же папа? — тихо спрашивает. — Ты его больше не любишь?

В ужасе молчу. Что ответить ребенку? Прежде она не задавала таких вопросов. Папа улетел на Луну и не вернулся — вот и вся сказка, которую я говорила дочери.

— Он нас бгхосил, да? Папа нас не любит?

— Он улетел на Луну, — повторяю.

— Я сказала в садике, что мой папа на Луне. Надо мной

все посмеялись.

— Почему?

— Сказали, что на Луну нельзя полететь. Это пгхавда?

Вероника ожидает от меня какого-то ответа. А я не могу вымолвить ни слова. В груди разрастается ноющая боль, горло словно кошки дерут.

Не знаю, сколько проходит секунд или минут. Не дождавшись от меня пояснений, дочка опускает веки. Я продолжаю сидеть у ее кровати, чувствуя себя самой ужасной матерью на свете. Уже который раз я задаю себе вопрос: права ли я, намеренно лишая Веронику отца?

Но мысль о том, что Стас будет здесь постоянно, что придется с ним общаться вне работы — для меня смерти подобна. Перед глазами вновь и вновь встает картина его измены, а в ушах звенят его стоны с той девушкой в номере отеля.

Чувство предательства обжигает меня кислотой. Пять лет прошло, а как будто все вчера случилось. И больно так же, как тогда. Ни на грамм боль от измены Стаса не уменьшилась. Падаю лбом на кровать Вероники и тихо скулю.

У нас могла бы быть семья. Может, и второй ребенок уже бы был. Но Стас все разрушил, все уничтожил.

Как он мог? За что он так со мной? Что во мне было не так?

Моя истерика набирает обороты. Чтобы не разбудить дочь, выхожу из ее комнаты, но тут же натыкаюсь на маму.

— Не спрашивай, — отвечаю на ее вопрос быстрее, чем

она успевает его задать.

Ухожу к себе и реву в подушку полночи.

Глава 15. Корпоратив

На работе только и разговоров о предстоящем корпоративе в честь двадцатилетия компании. На празднование приглашают не всех сотрудников. Понять можно: численность работников компании превышает две тысячи человек. Организовать корпоратив на такое количество людей, наверное, почти невозможно.

Мне пришло приглашение. Зря. Лучше бы позвали кого-нибудь другого, кому это действительно нужно. Я не из тех людей, которые ходят на корпоративы или выпивают по пятницам с коллегами. Во Франции за пять лет я не сходила ни на один тимбилдинг.

— Полина, в чем ты пойдёшь на корпоратив? — спрашивает Лиза. — Было написано, что дресс-код — «коктейль».

Я, она, Коля и Стас приехали на встречу в министерство энергетики. От нервов у меня сбивается дыхание. Во-первых, я впервые в стенах федерального министерства. Во-вторых, мне некомфортно в присутствии Стаса. Он прислал по адресу родителей еще один букет. Записки не было, но я все равно догадалась, что цветы от Войцеховского. Только он знает, что я люблю ярко-красные пионы.

Я не понимаю, зачем он это делает. Это такой прикол или что? Ну ладно те розы были взамен выброшенного букета от Леша, а новые цветы для чего? Очень хотелось принести

их на работу и вышвырнуть в то самое ведро у секретутки, чтобы он увидел. Но я сдержалась.

— Я не пойду, — отвечаю Лизе.

— Не пойдёшь на двадцатилетие компании? — изумляется, округлив глаза. — Это же будет супер-мега-шоу! И приглашения прислали только ключевым сотрудникам!

— Я не хожу на корпоративы, — безразлично пожимаю плечами.

— Почему?

— Потому что мы слишком много времени проводим друг с другом и слишком мало со своими родными.

Возможно, мои слова прозвучали обидно для коллег, но я правда так считаю. Чем торчать целый вечер в присутствии чужих людей с работы, я лучше побуду со своей дочкой.

— Ты же не замужем, — продолжает Лиза.

— Если я не замужем, это не значит, что у меня нет семьи.

— Жалко, что ты не пойдёшь.

— Нельзя не идти, — вдруг встревает Стас.

От неожиданности меня аж током прошибает. На протяжении нашего с Лизой диалога он усердно что-то печатал на телефоне. Я думала, он нас даже не слышит.

— Почему?

— Потому что это важно для компании. Приглашены не все. А те, кто приглашён, должны быть.

— Я могу отдать кому-нибудь свое приглашение.

— Приглашения не подлежат передаче, они именные, —

Стас простреливает меня предупреждающим взглядом. — Так что ты должна быть на корпоративе, — звучит, как приказ начальника.

Я могу лишь обреченно вздохнуть. Корпоратив в пятницу, я планировала в этот день уйти с работы ровно в шесть, чтобы встретиться с Алексеем. Теперь придется отменить свидание.

В пятницу я беру с собой на работу платье в пол и туфли на шпильках. Ровно в 18:00 отправляюсь в салон красоты рядом с компанией, чтобы мне сделали вечерний макияж и причёску. Переодеваюсь в своем кабинете и иду посмотреть в зеркало в туалет.

— Ого! Какая ты красивая! — Лиза стоит у того же зеркала в туалете и красит губы.

— Спасибо, — взволнованно выдыхаю.

— Оно из Парижа?

— Да.

Я первый раз надела это платье. И уже жалею. Оно... слишком. Во всем слишком.

Слишком красивое, слишком сексуальное, слишком соблазнительное.

Красный шёлк струится до пола, разрез чересчур оголяет правую ногу, а V-образный вырез сильно привлекает внимание к груди. В этом платье я выгляжу так, как будто собираюсь кого-то соблазнить.

От такой мысли лицо покрывается пунцовыми пятнами.

Чем я только думала, когда решила пойти в этом платье?

— Обалденное! — продолжает восхищаться Лиза. — Ты будешь самой красивой на корпоративе.

— Я не хочу быть там самой красивой. Я вообще не хочу там быть.

— Да брось! — смеется. — Ты же не замужем, а у нас в компании очень много симпатичных и хорошо зарабатывающих холостяков.

— У меня уже есть мужчина, — напоминаю. Странные у Лизы комментарии, когда она видела, какой шикарный букет мне подарил Алексей.

— Запасной вариант не помешает, — многозначительно подмигивает. — Идём? Пора вызывать такси.

Корпоратив проходит в банкетном зале в центре. Оставив шубы в гардеробе, мы с Лизой заходим внутрь. Большие круглые столы с белыми скатертями пока пустуют. Людей уже довольно много, но почти никто не расселся по местам. Все разговаривают и смеются. Лиза сразу находит каких-то знакомых и вливается в оживленный разговор. Я же медленно следую между столами, ища свое место. Судя по табличкам, людей рассадили по их департаментам.

Нахожу стол нашего департамента и опускаюсь на стул, на спинке которого висит табличка с моим именем. Справа от меня стул с именем Стаса, а слева с именем Николая. У меня даже возникает мысль быстро поменять свое место, чтобы не сидеть рядом со Стасом, как вдруг начальник возникает

возле меня.

— Привет, — садится рядом.

— Привет, — нехотя здороваюсь.

Он рассматривает меня. Откровенно и не стесняясь. Как назло, разрез на платье со стороны бывшего жениха. Стас проходит взглядом по моей оголенной ноге — будто рукой проводит. Я чувствую, как он касается меня глазами. Трогает везде, где кожа не прикрыта шелком.

— Перестань немедленно, — цежу.

— Что перестать?

— Вот так на меня смотреть. Начальники так на своих подчиненных не смотрят.

— А я проверяю, оделась ли ты в соответствие с дресс-кодом.

Лучше бы проверил, как одевается твоя секретутка, отвечаю мысленно.

— И как? Соответствую?

Придвигается ко мне и шепчет, опалая дыханием:

— Даже чересчур.

От столь неожиданной близости по телу волна жара проходит, словно цунами. Отшатываюсь чуть назад, чтобы увеличить расстояние между нами. На мое счастье, объявляют о начале торжественной части вечера, и гости принимаются рассаживаться по своим местам. Наш стол тоже заполняется людьми — все они сотрудники департамента, который возглавляет Стас. Я еще не со всеми успела познакомиться, как

раз сейчас будет хорошая возможность.

Официанты разносят блюда, а на сцену выходит ведущий — популярный комик. Он травит шутки, нахваливает нашу компанию и объявляет о выступлениях известных певцов. В перерывах между песнями на сцену выходит руководство компании и рассказывает о том, какие это были прекрасные и сложные двадцать лет.

Стул слева от меня, предназначенный Николаю, до сих пор пустует. Не выдерживаю и спрашиваю у Стаса:

— А где Коля?

— Он не смог прийти.

— То есть как не смог?

— Он у меня отпросился. Сказал, какие-то личные дела. А что?

— Ты же говорил, что присутствие обязательно! — рявкаю. — Можно сказать, ты заставил меня сюда прийти!

— Так у тебя не было никаких важных личных дел, — спокойно парирует. — Ты просто не хотела приходить. А так нельзя, должна быть уважительная причина.

— И какая уважительная причина у Коли?

— Не знаю, я не вникал. Он отпросился — я отпустил.

Во мне закипает возмущение вперемешку с негодованием. Вместо того, чтобы торчать тут и лицезреть пьянеющих коллег, я могла бы провести вечер в компании своего мужчины, а потом и ребенка.

— У меня были важные личные дела.

— Какие?

— Свидание.

Стас стойко выдерживает мой ответ. Как всегда, невозмутим. Я жду, что он произнесёт что-нибудь колкое, но Войцеховский отворачивается к коллегам, которые в этот момент поднимают новый тост. Обращаю внимание, что Стас не пьёт. Кажется, за весь вечер он вообще ничего не выпил: ни воды, ни сока, ни алкоголя.

Устало опускаюсь на спинку стула и тру виски. Русская попса на сцене уже начинает раздражать. Уйти бы домой, как раз стрелка часов приближается к десяти. Может, ещё успею уложить Веронику спать.

Глаза против моей воли возвращаются к бывшему жениху. Его предательство всегда будет жить в моей памяти. Я не смогу забыть, не смогу простить. Сердце переполняет ноющая боль. Стас ведь даже не подозревает, что у него есть четырёхлетняя дочь, так похожая на него. Она сейчас играет в своей комнате и ждет меня. А завтра мы с ней устроим наш маленький девичник: завалимся на диван с вкусняшками и будем смотреть мультик.

Бывший жених будто чувствует на себе мой взгляд. Поворачивает голову и внимательно смотрит.

— Я поеду домой, — не спрашиваю, а ставлю перед фактом.

— Сначала один танец.

— Что? — не сразу понимаю, о чем он.

— Рискую быть обвинённым в харассменте, я приглашаю тебя на танец.

И не дожидаясь моего согласия, Стас берет меня за руку и поднимает со стула. Пьяные коллеги за столом сейчас смеются над каким-то анекдотом, поэтому не обращают на нас внимания.

Стас тащит меня в сторону танцпола, где крутятся довольно много пар. Заводит в самый центр, рывком притягивает к себе и крепко берет за талию. От шока и возмущения я даже не могу возразить. Прихожу в себя, только когда чувствую, как он ведет ладони до середины спины, как бы обнимая меня.

— Ну это уже просто хамство и наглость, — зло выпаливаю.

— Всего один танец.

Стас держит меня мертвой хваткой, я смогу уйти, только если начну силой сбрасывать его руки. На глазах у огромного количества коллег, хоть и пьяных, я, естественно, не буду это делать. Не имея другого выхода, кладу ладони на плечи Стаса и принимаюсь медленно крутиться вместе с ним под песню.

Его близость пьянит, дурманит. Голова кружится похлеще, чем от любого шампанского, коленки предательски подрагивают, а в горле пересыхает как в пустыне.

Я смотрю ровно на узел мужского галстука, а Стас смотрит на меня. Впился глазами в мое лицо, даже не моргает.

— Хватит так на меня смотреть, — молю.

Стас шумно выдыхает. Я ловлю губами его дыхание и чуть ли не дрожу. Он склоняется ко мне еще ближе, касается носом волос. Напрягаюсь, натягиваюсь струной, деревенею.

— Как ты, Поля? — едва слышно спрашивает на ухо.

От того, какой интонацией Стас произносит вопрос, у меня душа наизнанку выворачивается.

— Все нормально.

— Расскажи мне, как ты жила?

— Хорошо жила.

Это крайне странная ситуация и крайне странный диалог с бывшим, который сначала клялся в любви и звал замуж, потом предал и изменил, а сейчас и вовсе является начальником. Стас слишком близко ко мне, учитывая, что мы на глазах у огромного количества сотрудников компании, включая самое высокое руководство. Да, тут все пьяные и им не до нас, но все же неприлично.

— То, как ты меня держишь и нависаешь сверху, — неуместно. Отойди, пожалуйста, на шаг назад.

— Не хочу, — нагло заявляет, обвиняя меня за спину еще крепче и опускаясь лбом мне на макушку.

— Стас, мы на глазах у сотен коллег.

— Да плевать, что они подумают.

— А мне не плевать. Более того — я несвободна. Я состою в отношениях с мужчиной, так что отстранись от меня на шаг назад.

Мои слова имеют эффект, но не такой, как я рассчитывала. Стас не отступает, а лишь поднимает голову от моих волос и заглядывает в лицо. Смотрит так, будто пытается что-то прочесть по глазам.

— У тебя с ним серьезно?

— Серьезно.

— Любишь его?

Порываюсь ответить «да», но тут же замолкаю. Не потому что это будет ложь, а потому что не понимаю, на каком основании Стас задаёт мне такие вопросы.

— А это не твоё дело, мой дорогой начальник. У тебя нет прав задавать мне подобные вопросы. И отойди уже от меня на шаг назад.

— Не отойду.

— Да что ты себе позволяешь? — повышаю голос. — Кто ты вообще такой?

Моему возмущению нет предела. Силой сбрасываю с себя его руки, разворачиваюсь и тороплюсь на выход из банкетного зала. Там сворачиваю в коридор и бегу, куда глаза глядят.

Сердце колотится громче музыки, но я все равно слышу шаги Стаса у себя за спиной. Ускоряюсь, он ускоряется в ответ. Коридор заканчивается, начинается лестница на второй этаж. Бегу вверх по ступенькам, Стас поспевает за мной.

Здесь никого нет, даже персонала. В небольшом коридоре несколько дверей, я не успеваю забежать в ближайшую, поскольку Стас догоняет меня. Хватает за руку и разворачива-

ет, а следом вжимает в стену.

— А ну отойди от меня немедленно! — кричу и пихаю его ладонями в грудь. Не двигается. Стоит как скала. — Слушай, это уже не смешно. Ты конкретно превышаешь свои должностные полномочия.

— Можешь пожаловаться на меня Архипову, обвинить в харассменте, написать заявление в полицию за домогательства на работе. Мне по фиг, Полина, я не отойду от тебя.

— Что тебе от меня нужно!?

— Мне нужна ты.

Я теряю дар речи. Стас заблокировал меня у стены, опустив руки по бокам от моей головы. Почти вжимает меня своим телом. Мне нечем дышать. Его запах — некогда родной и любимый — наполнил легкие, затуманил разум.

— Поля... — шепчет и соприкасается со мной лбом. — Я до сих пор не верю, что это ты...

Стас целует меня в шею. Его губы обжигают кожу, будто кипятки. И это отрезвляет.

— Не смей! — верещу. — Слышишь, не смей меня целовать! Я несвободна, у меня отношения. Я никогда не буду изменять, тем более с тобой!

Снова, что есть сил, толкаю Стаса ладонями в грудь. Он слегка отшатывается назад, но уже в следующую секунду опять нависает сверху. А мне словно чеку сорвало.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! — продолжаю бить его в грудь. — Как же я тебя ненавижу! — не выдерживаю и сры-

ваюсь на плач. Горький и унижительный в присутствии этого предателя. — Как ты мог!? Как ты мог мне изменить!? Ты же говорил, что любишь меня, ты же меня замуж звал!

У меня начинается истерика, в которой я колочу Стаса и рыдаю, а он крепко держит меня в руках и даже не шевелится. Из меня потоком льётся вся боль от измены, которая копилась пять лет и не выходила наружу. Эта боль разъедала меня изнутри, отравляла, не давала жить. А сейчас она провалилась наружу и сносит все на своем пути.

— Ненавижу тебя! Ты все разрушил, ты все уничтожил! Ты предал меня, ты предал нас! Я же любила тебя! Я так сильно тебя любила! Как ты мог так со мной поступить? Я же в тот день узнала, что беременна. Я хотела сказать тебе. А ты был с другой. Как ты мог? Я родила от тебя дочь...

Слова, которые гложут меня столько лет, наконец, вырываются с громким истеричным плачем. Обессилив, я обмякаю в руках Стаса и продолжаю тихо завывать.

А вот он, наоборот, каменеет и перестаёт дышать...

Глава 16. Дочь

Стас

Пока Полина сотрясается рыданиями в мою грудь, ее слова постепенно доходят до меня. Проникают в уши, словно сквозь вату, медленно ползут до мозга и врезаются в него.

— Что ты сказала? — напряжённо спрашиваю, отказываясь понимать ее сбивчивый рассказ.

— У нас есть дочь, — тихо скулит, цепляясь пальцами за мои плечи.

Всего четыре слова звучат, как выстрел.

У

Нас

Есть

Дочь

— Я родила от тебя девочку, — продолжает, все еще плача.

Новое признание Полины разом вышибает воздух из легких. Голова, кажется, разучилась соображать.

«Я родила от тебя девочку», пульсируют в висках вполне себе четкие и понятные слова Полины, однак

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.